

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет Исторический факультет
Выпускающая кафедра Отечественной истории
(полное наименование кафедры)

Иванова Юлия Владимировна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ
СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XIX-XX-Е ВВ.
В ЭЛЕКТИВНОМ ШКОЛЬНОМ КУРСЕ**

Направление подготовки/специальность 44.03.05. Педагогическое образование
(код направления подготовки)

Профиль История и право
(наименование профиля для бакалавриата)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой отеч. истории канд. историч. наук, доцент

Ценюга И.Н.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Руководитель доктор истор. наук, профессор
Фёдорова В.И.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Дата защиты _____

Обучающийся Иванова Ю.В.

(фамилия, инициалы) (дата, подпись)

Оценка

(прописью)

Красноярск
2018

Содержание

Введение	3
Глава 1. Трудовая этика и социальная мотивация сибирского крестьянства	18
1.1. Социальная характеристика сибирского крестьянства	18
1.2. Труд, богатство, собственность.....	25
1.3. Семейные традиции	46
1.4. «Мы» или «они»?	56
Глава 2. Между верой и безверием	67
2.1. Кризис религиозного мировоззрения.....	67
2.2. На пути к новой вере	74
Заключение.....	79
Список использованных источников и литературы	84
Приложения.....	90

Введение

Переход России от традиционного общества к индустриальному, начавшийся во второй половине XIX в., протекал в специфических условиях. Трудное и болезненное обновление России настоятельно требует переосмысления нашего прошлого и настоящего на основе серьезного научного анализа. Для нашей страны с ее многовековой аграрной доминантой особое значение имеет изучение крестьянского мира, его системы ценностей. Ключевое место в ней всегда занимал труд.

Трудовая мораль имела исключительно важное значение для экономического прогресса, роста производительности труда и благосостояния населения. Неслучайно некоторые экономисты справедливо называют ее четвертым фактором производства после известных трех – земли, труда и капитала. В зарубежной историографии (М. Вебер, В. Зомбарт) считается, что именно трудовая этика протестантов стала главным фактором становления в Западной Европе капиталистической системы хозяйства.

В дореволюционной России массовым носителем трудовой морали являлось крестьянство. Обращение к истокам трудовой этики российского крестьянства переходной эпохи от традиционного к обществу модерна помогает историку ответить на фундаментальные вопросы методологического характера о российской модели модернизации. Именно поэтому современному школьнику важно ознакомиться с указанной темой уже за школьной партой. Комбинация современных методов и приемов обучения, организация проектной деятельности, приближение учащихся к реальным условиям сибирской деревни более века назад в рамках элективного курса позволит более тщательно изучить крестьянский быт, трудовую этику сословия, традиции, нравственные и религиозные установки, взаимодействие с властью. Это поможет ученикам более целостно представить образ жизни предков, трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, будет способствовать воспитанию уважительного отношения к труду и усвоению норм современной трудовой этики.

Объект исследования: морально-этические установки социального поведения сибирского крестьянства.

Предмет исследования: эволюция морально-этических установок сибирского крестьянства в период перехода от традиционного уклада к обществу модерна.

Цель: изучение проблем трудовой этики сибирского крестьянства в XIX-XX-е вв. для разработки элективного школьного курса по истории.

Задачи:

- выявить социально-экономические, политические и культурные факторы, влиявшие на эволюцию социальной и морально-этической мотивации крестьян;

- рассмотреть отношение крестьян к труду;

- выяснить отношение сословия к собственности и богатству;

- выявить характер социального идеала крестьян;

- проследить влияние общинных традиций на социальное поведение крестьян;

- изучить особенности семейной этики сибирского крестьянства;

- выявить эволюцию религиозных воззрений крестьян под влиянием государственной политики.

Хронологические рамки исследования включают период 1860 – 1930-е гг., что обусловлено процессом модернизации российского общества, начавшегося в эпоху либеральных реформ 1860-1870-х гг. Переломным этапом процесса стали революционные события 1917-1920-х гг. и последовавшая за ними форсированная перестройка традиционного крестьянского уклада под влиянием индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Методологическая основа

Основными методологическими принципами данного исследования являются принципы историзма, объективности, системности. В процессе работы для достижения поставленных цели и задач нами были использованы традиционные методы исследования, такие как историко-системный, историко-

сравнительный, ретроспективный, а также общенаучные методы: анализ, синтез, классификация. Методы исторической компаративистики позволили выделить общее и особенное в процессе эволюции сознания крестьянства Сибири. Применение метода периодизации помогло определить качественные изменения в историческом описании процесса эволюции общественного сознания. Работа так же опирается на метод ретроспекции, позволяющий отследить динамику эволюционных процессов. Также использован метод комплексного изучения историко-культурных процессов в связи с их обусловленностью экономическими, политическими и социальными факторами.

Степень изученности

Проблема морально-этической мотивации к труду находится на стыке экономической истории, исторической экономики, социологии (ее видов – аграрной, промышленной, социологии труда) и экономической антропологии. Подход историков к анализу экономических явлений, в т.ч. и трудовых отношений, отличается большей антропоцентричностью. Именно с этих позиций был проанализирован переход к капиталистическому производству в трудах М. Вебера¹. Он показал различия двух типов трудовой этики: потребительский (традиционный, минималистский) и буржуазный. Традиционный заключается в том, что следует работать для удовлетворения скромных по своему составу потребностей семьи в питании, одежде и жилище, весь доход тратить на потребление и не стремиться к накоплению. Буржуазный ориентируется на достижение максимально возможного результата в своей работе, получение максимально возможного дохода, превышающего потребление. Вебер вскрыл истоки буржуазной трудовой этики, которые восходили к протестантской религии. В противовес ей православие он рассматривал как фактор консервации архаичной культуры, препятствовавший формированию трудовой мотивации присущей капитализму.

---

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. 797 с.

В русской общественной мысли вопрос о роли труда в жизни общества, его характере и содержании, социальных последствиях и формах поставили представители государственной исторической школы – К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, П.Н. Милюков. Они исследовали экономическую и хозяйственную организацию общества и его социальную структуру, главным элементом которой выступала сословная система. Историки дореволюционной России сходятся во мнении, что трудовая мораль российского крестьянства представляла собой классический образец традиционной трудовой этики.

В 40–80-е гг. XIX в., в центре общественного внимания находился вопрос о русской общине. Этот этап можно рассматривать как зарождение аграрной социологии – одной из ветвей социологии труда. Завершением первого этапа можно считать создание религиозно-космической концепции труда С.Н. Булгакова².

Особое место в изучении русского крестьянства принадлежит экономисту неонароднического направления – А.И. Чаянову³. Он еще в 1920-е гг. доказал, что семейно-трудовое хозяйство, характерное для России, было нацелено не на получение прибыли, а на доставление средств существования его членам. Это определяло мотивацию на труд с целью воспроизводства крестьянской семьи, а не на накопление и инвестиции капитала. Чаянов рассматривал давление потребительских запросов семей (чем сильнее давление, тем большую энергию развивает работник) как главный фактор степени самоэксплуатации.

В советской историографии крестьянство изучалось преимущественно в плане классовой характеристики. Исходя из ленинского понимания двойственности классовой природы крестьянства как труженика – с одной стороны, и мелкого собственника – с другой, подчеркивалась его неполноценность по сравнению с революционным пролетариатом. В конечном счете, оно характеризовалось как мелкобуржуазное, а, следовательно,

---

² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1912. 461 с.

³ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. 492 с.

контрреволюционное не способное поддержать пролетариат в его борьбе за социализм, а поэтому в случае победы пролетарской революции оно в лучшем случае подлежало «социалистической перековке». Однако, несмотря на методологическую ограниченность классового подхода, надо отдать должное советским историкам И.Д. Ковальченко, Л.В. Милову⁴, А.М. Анфимову⁵, С.М. Дубровскому⁶, Н.М. Дружинину⁷ и др., которые в своих трудах дали широкую панораму развития крестьянского хозяйства и социальной динамики крестьянства как класса в XIX-начала XX вв.

В новой отечественной историографии центральное место начинает занимать антропологически ориентированная история, в центре которой находятся люди. Изменился сам предмет исследования, внимание стало концентрироваться на слабо изученных аспектах: социально-психологические приоритеты, мотивы поведения, мировосприятие, установившиеся привычки, внутренний мир крестьянства. Период 1990-х годов становится временем возрождения лучших традиций отечественного крестьяноведения. В это время наблюдается резкий рост исследовательского интереса к проблемам повседневной жизни. Внимание акцентируется на сфере человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. Первые итоги исследования сознания российского крестьянства эпохи революции в постсоветской историографии были подведены на конференции «Менталитет и аграрное развитие России в XIX-XX вв.». На конференции в докладе академика Л. В. Милова был сформулирован ключ к пониманию менталитета российского крестьянства. Этот ключ – отношение крестьян к земле и труду на земле. Милов справедливо отметил, что земля являлась главной социально-нравственной ценностью крестьянского мира, и отношение к земле, к аграрному вопросу определяло всю социальную психологию и политическую

---

⁴ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 243–382

⁵ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904. М., 1980. 241 с.

⁶ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. 397 с.

⁷ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978. 287 с.

идеологию крестьян. В дальнейшем данный тезис был всесторонне обоснован и весомо подкреплён в монографии Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»⁸. В книге показана исключительно высокая роль природно-климатического фактора в определении характера и темпов развития русского общества, и, в частности, в сохранении крестьянской общины. Община являлась необходимым для выживания институтом, осуществлявшим «социальные и производственные функции посредством перераспределения наделной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни». Общинный характер во многом определял и особенности организации крестьянского труда, а, следовательно, и отношения к труду.

Вековая традиция использования земли на общинных началах привела к тому, что ведущей характеристикой крестьянской ментальности стала именно общинная ментальность, антикапиталистическая в своей основе. Это положение было раскрыто на упомянутой конференции в докладе Л.В. Даниловой и В. П. Данилова «Крестьянская ментальность и община»⁹. Авторы доклада пришли к выводу о том, что изучение проявлений общинного начала в менталитете народа является важнейшей составляющей для понимания прошлого и настоящего России. Характеризуя общинную ментальность, авторы отмечают, что ей были присущи «коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальная справедливость, равенство». Именно эти качества крестьянского этоса и были положены в основу советской общественной модели. Эти исследователи также поставили вопрос о радикальных переменах в политическом менталитете российских крестьян накануне революции 1917 г., которые выразились в преодолении идеологии наивного монархизма. По их мнению, первые удары по наивному монархизму нанесли расправа с народной революцией и столыпинская аграрная реформа, а окончательно вытравивали наивный монархизм из народного сознания ужасы Первой мировой войны,

---

⁸ Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1988. 568 с.

⁹ Данилова Л.В. Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С.35-36, 39

бездарность и эгоизм господствующих классов, самодержавия. В результате этого «крестьянский менталитет становится республиканским».

Следует отметить, что не все историки согласны с таким выводом. Так, В.П. Булдаков полагает, что крестьяне к моменту Февральской революции разочаровались не в монархии как таковой, а в поведении данного конкретного царя: «Крестьяне настолько поразились тому, что, согласно газетной информации, творил самодержец, его окружение и особенно императрица, что оправданий для династии не находили... Разумеется, это конкретно социальных потрясений привело к утверждению в массовом сознании идей революционного вождизма»¹⁰. Как бы там ни было, для нас важно не упустить из виду то обстоятельство, что наивный монархизм крестьянских масс не мог отменить аграрные устремления крестьянства, которые превращали его в стихийного социалиста.

Если подвести итог рассмотрению причин, форм и сущности ментальности российского крестьянства накануне и в годы революции 1917 г., то вывод об устойчивой стихийно социалистической ориентации российского крестьянства вполне можно считать доказанным.

Особый интерес с точки зрения изучения крестьянской ментальности представляют работы В.Б. Безгина, в которых дается представление о типологических особенностях крестьянской повседневной жизни¹¹. Он исследует проблемы хозяйственной деятельности, общинного уклада, правовых воззрений, духовных традиций, семейного быта русского крестьянства.

Вопросы трудовой этики русского крестьянства были подняты в трудах Б.Н. Миронова¹². Он обстоятельно исследовал этот вопрос на огромном массиве источников XVIII — начала XX вв. и пришел к двум важным выводам. Во-первых, трудовая этика большинства российских крестьян в течение всего периода империи вплоть до 1917 г. не претерпела радикальных изменений и

---

¹⁰ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.103.

¹¹ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность. (Традиции конца XIX – начала XX вв.). М.; Тамбов, 2004. 304 с.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства./ Б.Н. Миронов. Т. 1-2. — СПб., 1999.

оставалась минималистской, потребительской. Исключение составило меньшинство — около 30% крестьян, не удовлетворенных общинными порядками, в том числе и необходимостью следовать традиционной трудовой этике, которые захотели выделиться из общины и работать по-новому. Именно они и поддержали столыпинскую реформу. И, во-вторых, «если иметь в виду благосостояние населения, то не монголо-татарское иго, не крепостное право и его пережитки, не самодержавие (этот ряд псевдопричин легко продолжить) задерживали его повышение, а то, что российский народ вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой этики или по христианским заповедям. Он не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. «Время — не деньги, был он уверен, время — праздник». Б. Н. Миронов подчеркивает обусловленность традиционной крестьянской трудовой этики более общим контекстом православной ментальности.

Конфессиональная составляющая, таким образом, играет в конкретно-историческом типе трудовой этики важную, а, возможно, и решающую роль. Это положение подтверждают исследования В. В. Керова, анализировавшего трудовую этику старообрядцев и особые устои старообрядческого предпринимательства¹³. Исследования конфессионально-этического фактора, и прежде всего, выводы В.В. Керова, позволяют говорить о том, что в России существовал значительный по своему влиянию в обществе слой предпринимателей-старообрядцев, трудовая этика которых имела ярко выраженный максималистский, буржуазный характер. Важность конфессионально-этических основ трудовой деятельности подчеркивает также и Т.Б. Коваль¹⁴.

Особенно интересны материалы, представленные в исследовании М.Я. Феноменова¹⁵, который на примере новгородской деревни Гадыши показал

---

¹³ Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII - начале XVIII в. К вопросу о конфессионально-этических факторах старообрядческого предпринимательства. / В.В. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность. 1996. № 5. С. 36-44.

¹⁴ Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда. / Т.Б. Коваль// Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том. П.- №1. - 1993. С. 20-62

¹⁵ Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М., 1925. 211 с.

действительный авторитет общинного схода, характер его взаимоотношений с сельсоветом, а также высокую степень сохранности традиционного мирского уклада.

Научная историография сибирского крестьянства восходит к трудам ссыльных народников. В исследованиях Н.Л. Каронина-Петропавловского¹⁶, С.П. Швецова¹⁷, Д.А. Клеменца¹⁸, С.Л. Чудновского¹⁹ раскрываются факты влияния буржуазных отношений на эволюцию крестьянского землевладения, социальную структуру, хозяйственные занятия и быт крестьянского населения, дается всесторонняя характеристика духовной жизни сибирского крестьянина. Они подчеркивали, что сибирское крестьянство сохранило общинные традиции, потому что в сознании крестьянства укоренилось глубокое убеждение, что общество обязано обеспечить право каждого своего члена на землю. Ведь земля – это жизнь, которая неизменно ассоциировалась в сознании крестьянства с трудом. Эти три компонента – земля, жизнь, труд – образовывали формулу «трудового права», на котором покоилось правосознание русского крестьянства и его идеал социальной справедливости: земля – тем, кто на ней трудится, каждому по труду, кто не работает, тот не ест. Именно трудовое право, являвшееся краеугольным основанием правосознания российского крестьянства, рассматривалось народниками как базовый принцип будущего общественного устройства. Оно представало уже не как общество, основанное на уравнительном распределении благ, а как общество равных возможностей²⁰.

Марксистские историки рассматривали сибирское крестьянство через призму классового анализа, интересуясь, прежде всего, экономическими аспектами развития крестьянского хозяйства. В трудах Л.М. Горюшкина²¹, В.Г.

---

¹⁶ Каронин-Петропавловский Н.Е. Схема истории сибирской общины//Сибирский сборник. 1886. Вып. 2

¹⁷ Швецов С. П. Формы пользования общинной землей на Алтае//Сборник правоведения и общественных знаний. Т.3. СПб., 1894.

¹⁸ Клеменц Д. А. Старый вопрос в новой фазе//Восточное обозрение. 1891. №2.

¹⁹ Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община//Северный вестник. 1888. №10.

²⁰ Федорова В.И. Эволюция социально-революционных идеалов в позднем народничестве//Народники в истории России. Вып.2. Воронеж. С.140.

²¹ Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири. Новосибирск, 1989.

Тюкавкина²², В.А. Степынина²³, В.А. Зверева²⁴ и др. был собран и проанализирован колоссальный материал, позволяющий раскрыть огромный потенциал крестьянского хозяйства в Сибири. Эти труды и сегодня не утратили ценности для современных историков, которые продолжают традиции изучения крестьянского хозяйства на региональном и локальном материале²⁵.

На сибирском материале вопросы трудового этоса исследовались в трудах М.М. Громыко²⁶ и В.А. Зверева²⁷. Благодаря подробному исследованию сибирских крестьян, В.А. Зверев отмечает сокращение людности крестьянского двора и общей величины семьи. Он связывает это с наметившейся возможностью ведения хозяйства более мелкой семейной группой, начавшимся потеснением семейного хозяйства капиталистической кооперацией и производством, основанным на использовании наемного труда. Помимо этого, исследователь отводит немалое место в своей работе описанию взаимоотношений между крестьянским самоуправлением и государственными органами, подмечая главенствующую роль первого. Рубеж XIX-XX вв. стал для крестьян путем совершенствования своего самоуправления при использовании по мере возможности помощи "большого" общества, переосмысления идей, возникающих в иной социальной среде, что позволяло отбрасывать негативные тенденции и продолжать развивать только положительные²⁸.

В своей монографии «Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.)»²⁹, проанализировав семейные традиции крестьянства, В.А. Зверев показал, что существовала тесная взаимосвязь между

---

²² Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

²³ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

²⁴ Зверев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988.

²⁵ Федорова В.И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика, общество, культура. Красноярск, 2016.

²⁶ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян XVIII – первая половина XIX вв. Новосибирск, 1975.

²⁷ Зверев В. А. Хозяйственная деятельность русской крестьянской семьи в Сибири (конец XIX – начало XX в.) / В. А. Зверев // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII – начало XX в.) : сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1982. – С. 89–110.

²⁸ Самоуправление в повседневной жизни крестьянского сообщества [Электронный ресурс] : (по материалам Сибири конца XIX – начала XX вв.) / В. А. Зверев.

// Проблемы истории местного управления Сибири XVII-XX веков : рег. науч. конф. 18-19 декабря 1997 г. : тезисы докладов. Вып. II / отв. ред. В. И. Шишкин ; Гос. архив Новосиб. обл. - Новосибирск, 1997. - С. 47-50. - Доступна эл. версия в ЭБС НГПУ. - Режим доступа: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/534/read.php>

²⁹ Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.

объективными условиями, в которых протекала жизненная активность крестьянства, и самим образом жизни.

Проблема эволюции крестьянского менталитета в эпоху советской модернизации рассматривалась в работе И.С. Кузнецова³⁰. Об изменениях в семье говорится в наблюдениях Ж. Черновой³¹. Е.Н. Шуранова попыталась раскрыть образ советской власти как идеала для крестьян³². Она пришла к выводу, что утилитарный характер крестьянского мировоззрения выдвигал собственные требования к советской власти. От нее требовалась четкая работа, отказ от бюрократических методов руководства, обоснованность, разумность предъявляемых требований, рациональная организация труда крестьян, занятых государственными повинностями, – словом, отношение к управляемому населению не как к подданным, а как к равноправным трудящимся.

В монографии А.П. Дворецкой основное внимание уделяется религиозной политике с начала революции и до начала сплошной коллективизации и ее влиянии на мировосприятие крестьянского сословия. О разложении религиозного сознания крестьянства писал В.А. Зверев³³. Историк утверждал, что усиливавшаяся социальная напряженность на фоне общественной и культурной дезорганизации обусловила распространение антиклерикализма среди крестьян в широких масштабах.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день материалы свидетельствуют о неисчерпанности темы сибирского крестьянства и проблем трудовой этики, что позволяет провести собственное исследование.

Источники работы

---

³⁰ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. 233 с.

³¹ Чернова Ж. В. Советская семейная политика// Colta. URL: https://ru.boell.org/sites/default/files/uploads/2016/11/zhanna_chernova._sovetskaya_semeynaya_politika.pdf (Дата обращения: 1.03.2018)

³² Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920 – 1921 гг.// Сибирская вольгота, 2006. URL: <http://volgota.com/lib/sovvlaskre.html> (Дата обращения: 1.05.2018)

³³ Зверев В. А. «Народ изверился»: о секуляризации сознания и демографического поведения сибиряков в конце имперского периода / В. А. Зверев // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013. С. 43–47.

При написании данной работы использовался ряд источников, которые условно можно разделить на несколько групп: свидетельства современников, изложенные в их рассказах; официальные материалы (переписи населения, воззвания и декреты); советская периодическая печать, отражающая широкий спектр взглядов крестьян 20-х годов XX века; народный фольклор – песни, частушки, приметы, пословицы и поговорки.

Ценный материал для характеристики социального идеала сибирского крестьянства представляет рукопись Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца»³⁴, в которой он не просто рассуждает о несправедливости существующего общественного устройства, но и дает программу его преобразования, основанную на началах истинной христианской справедливости и любви к ближнему.

Философские идеи Бондарева представляют самостоятельную трактовку христианства, но в то же время они сочетаются с резкой критикой официальной церкви. Его трактат является свободной бесцензурной проповедью, в которой нашли свое отражение народные идеалы социальной справедливости. Гневная и страстная критика социального паразитизма правящего класса, произвола власти у крестьянского философа сочеталась с наивной верой в простые рецепты исправления общества с помощью самой же власти.

Главной идеей Бондарева являлась идея «хлебного труда» как «первородного» закона, данного людям от Бога. «Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого и не должно принимать в уважение никаких отговоров», – утверждал он. Положение об обязательности труда составляло краеугольную основу социальной концепции Бондарева и отражало фундаментальный принцип крестьянской трудовой морали: «кто не работает, тот не ест». Вот почему министр внутренних дел Д. Толстой, ознакомившись с изложением основ сочинения Бондарева в газете «Русское дело», в докладе Александру III назвал это «пропагандой грубого социализма, имеющей целью восстановить один класс общества против другого».

---

³⁴ Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Т.М. Бондарев. Переписка 1885-1898. Мюнхен, 1996. 157 с.

Но именно эта созвучность с социалистическими принципами привлекла к Бондареву внимание другого Толстого – великого русского писателя Льва Николаевича. Знакомство писателя с идеями сибирского крестьянина произвело на него глубокое впечатление. Он писал: «Сочинение это, по моему мнению, очень замечательно по своей силе, ясности, простоте языка, искренности убеждений, которая чувствуется в каждой строчке, и в особенности по важности, правдивости и глубине главной мысли». Между Толстым и Бондаревым завязалась переписка, продолжавшаяся тринадцать лет.

Толстой страстно пропагандировал труд сибирского крестьянина среди российской интеллигенции. «Мое мнение, писал он, – что вся русская мысль, с тех пор как она выражается, не произвела со своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказали два мужика – Сютаев и Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества»³⁵. Однако опубликовать труд Тимофея Михайловича на русском языке Толстому удалось лишь в 1906 г., спустя несколько лет после смерти Бондарева.

Не менее важным источником являются рассказы Н.И. Наумова, содержащие описание сибирского крестьянства³⁶. Автор акцентировал внимание на бедности крестьян, их страданиях от эксплуатации и произвола властей, не затрагивая темы сложного мира крестьянского мирозерцания и психологии данного сословия. Но для подготовленного читателя данная книга является кладезем описания событий и явлений, в потоке которых приходилось жить простому крестьянину тех лет каждый день.

---

³⁵ Федорова В.И. Старая Сибирь в лицах и судьбах. Библиографический словарь в 3-х частях. Красноярск, 2016. Ч.1. С.169.

³⁶ Наумов Н.И. В забытом краю : Рассказы из быта сибирских крестьян. Санкт-Петербург : Попов и Тыртов, 1882. 314 с.

Важную информацию по теме содержат фольклорные источники³⁷. Пословицы, песни и частушки дают исследователю богатый материал о взглядах крестьян на труд, семью, религию, власть, отношение к природе.

Наиболее массовой разновидностью источников являлись письма и жалобы крестьян в прессу – «Сельскую правду», «Советскую Сибирь». Но при изучении таковых стоит учитывать, что многие письма не проходили цензуру и вовсе не публиковались.

Помимо периодической печати как источник можно использовать сборник писем «Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.», не содержащий авторской интерпретации писем³⁸.

Отмеченные достоинства и недостатки облегчают и затрудняют историческую реконструкцию социальной психологии сибирского крестьянства на рубеже эпох. Вместе с тем, источниковый массив дает необходимые и достаточные предпосылки для реализации поставленных исследовательских задач.

Практическая значимость

Данная работа может быть применена для реализации предлагаемого элективного курса в ходе подготовки к ЕГЭ или для разработки собственного авторского курса с углублением, либо продолжением заявленной темы.

Научная новизна квалификационной работы состоит в том, что была предпринята попытка комплексного подхода к обозначенной проблеме. Рассматривается трансформация трудовой этики сибирского крестьянства как целостной структуры и прослеживаются ее изменения в тесной взаимосвязи с политикой, проводимой властью.

Структура данной работы состоит из двух глав, разделенных на параграфы. В первой главе был проведен анализ бытоустройства сибирского крестьянства, эволюции его отношения к труду, богатству и собственности, а

---

³⁷ Русский народный земледельческий календарь. /Ред. Хонина О.А Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1984. 224 с.

³⁸ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / сост., С. В. Журавлев ; отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 326 с.

также изучены межпоколенческие проблемы, влияющие на прямую передачу стремления заниматься земледельческим трудом. Во второй главе приведена попытка исследования основных причин кризиса традиционного церковного мировоззрения и его последствия. Данная структура работы призвана решить поставленные задачи и достичь заданную цель. По окончании работы дано Приложение, содержащие примерную программу элективного курса «Проблемы трудовой этики сибирского крестьянства» для 10 класса, составленную и оформленную в соответствии с ФГОС и ИКС.

Апробация данной работы была проведена в рамках участия в научно-практических конференциях, а также публикациях в сборниках научных статей. Были опубликованы такие статьи, как: «Русское крестьянство в творчестве Н.А. Некрасова»³⁹; «Роль купечества в социокультурном развитии Сибири в конце XIX – начале XX вв.»⁴⁰; «Кризис традиционного церковного мировоззрения российского крестьянства второй половины XIX века»⁴¹; «Мотивация к труду и оценка в народном сознании работника по старанию и умению»⁴²; «Перспективы и проблемы изучения дореволюционной крестьянской деревни в среднем школьном звене по учебникам издательства «Просвещение» под редакцией А.В. Торкунова»⁴³.

---

³⁹ Андропова Ю.В. Русское крестьянство в творчестве Н.А. Некрасова//Молодежь и наука XXI века. XVII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. История в искусстве. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников./отв.ред.Ионычев/Краснояр. гос. пед. ун-т. Им.В.П.Астафьева. Красноярск, 2016.

⁴⁰ Иванова Ю.В. Роль купечества в социокультурном развитии Сибири в конце XIX – начале XX вв.//Россия-Сибирь_Красноярский край: сборник материалов VIII Краеведческих чтений, Красноярск, 6 декабря 2016/М-во культуры Краснояр. края, Гос. универс. Науч. Б-ка Краснояр. края; Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В.П.Астафьева; [научн. ред. В.И. Федорова; сост. В.И. Федорова]. Красноярск, 2017. С. 39-47

⁴¹ Иванова Ю.В. Кризис традиционного церковного мировоззрения российского крестьянства второй половины XIX века//Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: История /Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2017. С. 71-72

⁴² Иванова Ю.В. Мотивация к труду и оценка в народном сознании работника по старанию и умению//Молодежь и наука XXI века. XVIII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов научно-практической конференции./отв.ред.Ценюга/Краснояр. гос. пед. ун-т. Им.В.П.Астафьева. Красноярск, 2017.

⁴³ Иванова Ю.В. Перспективы и проблемы изучения дореволюционной крестьянской деревни в среднем школьном звене по учебникам издательства «Просвещение» под редакцией А.В. Торкунова//III Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития», в рамках XIX Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»: сборник материалов научно-практической конференции./отв.ред.Ценюга/Краснояр. гос. пед. ун-т. Им.В.П.Астафьева. Красноярск, 2018.

Глава 1. Трудовая этика и социальная мотивация сибирского крестьянства

1.1. Социальная характеристика сибирского крестьянства

К концу XIX в. крестьянское хозяйство в Сибири прошло достаточно длительный путь становления и развития, в ходе которого оно стало абсолютно преобладающей организационно-производственной формой аграрной экономики региона, обеспечивающей как свои внутренние потребности в сельхозпродуктах, так и нужды некрестьянского населения края и прилегающих к нему территорий. За его счет выполнялись натуральные и денежные обязательства крестьян перед государством. Наряду с производственной, семейное хозяйство выполняло функции демографического и социокультурного воспроизводства крестьянства.

С 1858 по 1897 г. сельское народонаселение в Сибири выросло в 2,1 раза⁴⁴. Особенно энергично оно увеличивалось с середины 1880-х гг. За 27 лет (с 1858 по 1885) крестьянское население возросло на 1069,3 тыс., а за 12 лет (с 1885 по 1897) — на 1754,8 тыс.

Из общего числа переселенцев, пришедших в Сибирь с 1885 по 1893 г., в Томской губернии поселилось 75%, в Тобольской — 8%, Енисейской — 7,6%, Иркутской — 0,2%, Амурской и Приморской областях — 5%, Семипалатинской — 3%, Акмолинской — 1,2%⁴⁵.

До строительства Сибирской железной дороги по социальному составу переселенцы принадлежали в основном к среднему крестьянству. В пореформенный период социальный состав переселенцев постепенно менялся в сторону увеличения числа беднейших крестьян. Нужно заметить, представления переселенцев о своем будущем месте жительства были мало похожи на правду, на Сибирь они возлагали надежды в плане достаточного количества плодородной земли и возможности легко устроиться.

---

⁴⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

⁴⁵ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

В организации переселенческого хозяйства проявлялся разумный учет экологических особенностей различных почвенно-климатических зон. Селились практически во всех зонах, исключая северные районы, непригодные для земледелия. Предпочитали селиться вблизи рек и озер, в местах с плодородными черноземными почвами, недалеко от леса, необходимого для топлива и хозяйственных построек. В Западной Сибири это были лесостепные и степные зоны, граничащие с лесами. В Енисейской губернии основным колонизационным районом выступала лесостепь. С 1865 по 1892 г. здесь стихийно возникло 65,8 % переселенческих поселков⁴⁶.

Переселения способствовали разложению крестьянства в местах вселения и выселения. На новом месте переселенцы не оставались однородной массой. Капитализм властно вторгался в переселенческую деревню, приводил к разложению крестьянских хозяйств уже в ходе их становления. Но еще ярче классовое разложение проявлялось в дальнейшем. Процесс размывания средней группы был резче выражен среди переселенцев, дольше проживших в Сибири.

Как отмечает исследователь Л.М. Горюшкин, пореформенной сибирской деревне были присущи две стадии капиталистического разложение крестьянства: первая – начальная и вторая – развитая⁴⁷. Первая характеризуется образованием на противоположных полюсах деревни разорившейся, кабально-зависимой, но еще не потерявшей связи с наделом бедноты и торгово-ростовщической буржуазии. Вторая – появлением сельских пролетариев и капиталистов-предпринимателей. В целом данный процесс не мог не отразиться на социальной структуре деревни.

Усиливающиеся капиталистические отношения в деревне способствовали вымыванию среднего класса. Так в 1897 г. процент крестьян с посевам от 4 до 10 десятин составлял 38,2%, к 1917 г. данное число уменьшилось до 33,3%.

---

⁴⁶ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

⁴⁷ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: издательство "Наука", 1967. С. 98

Большинство крестьян беднели, соответственно показатель 1897 г. беспосевных крестьян, составлявший 39,3%, увеличился до 47,3%⁴⁸.

В годы Первой мировой войны процесс разложение крестьянства усилился, полярность крайних социальных групп деревни углубилась. После социальных и политических потрясений 1914-1918 гг. ситуация изменилась. В целях сбалансирования развития хозяйства, семьи, из которых были призваны мужчины, не делили наделы, что непосредственно отразилось на дальнейшем засеивании земель и возможности окончательно обжиться переселенцам. После войны в деревню вернулись многие фронтовики. Увеличение числа возобновившихся разделов и военные потери привели к снижению средней людности крестьянских хозяйств с 6 чел. в 1916 г. до 5,62 чел. в 1920 г.⁴⁹.

Итогом великих революционных аграрных преобразований в деревне, осуществленных в 1917 - 1920 гг., было осереднячивание деревни, превращение середняка в центральную фигуру земледелия. По подсчетам, произведенным Ю.А. Поляковым, уже к началу новой экономической политики общий удельный вес бедняцко-батрацкой группы составлял 35 — 40%, середняцкой — примерно 55% — 60%, кулацкой — до 4 — 5% всех крестьянских хозяйств⁵⁰.

Крестьянская беднота состояла из сельскохозяйственного пролетариата или наемных рабочих, полупролетариев или парцелльных крестьян, и мелких малоимущих крестьян-земледельцев. Все эти группы В.И. Ленин объединял общим понятием «трудящиеся и эксплуатируемые крестьяне». Наемные рабочие (поденные, сроковые, годовые) добывали себе жизненные средства работой по найму в хозяйствах кулаков и предпринимателей.

Труднее всего было батракам. Использование машин в хозяйстве влекло за собой интенсификацию труда батраков, снижение их заработной платы. Зажиточные крестьяне или кулаки, как правило, рассчитывались только один

---

⁴⁸ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: издательство "Наука", 1967. С. 118

⁴⁹ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 - 1927 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1969. С. 20

⁵⁰ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 - 1927 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1969. С. 23

раз с уходом батрака независимо от продолжительности работы. В результате процент неоплаченного труда возрастал по мере увеличения срока найма, к этому следует добавить большие вычеты из заработной платы батраков за харчи хозяина и пользование одеждой. Уходя после года работы, наемный рабочий получал на руки меньше на 30-40% положенной выплаты.

Не менее четверти крестьянских дворов составляла вторая группа крестьянской бедноты – полупролетарии, которые сочетали обработку наделного или арендуемого клочка земли с наемной работой на кулаков и предпринимателей. Эти разорившиеся крестьяне или недавно прибывшие переселенцы-бедняки имели крошечный посев в 1-2 дес., а чаще всего только приусадебные участки. Многие из них сохранили кое-какой скот и мелкий инвентарь, ибо со своей лошадей и инвентарем они легче могли устроиться на работу по найму. Такая категория составляла не менее четверти всех крестьянских дворов.

Третью группу деревенской бедноты составляли мелкие крестьяне, которые имели 2-4 дес. посева, 1-2 лошади, продуктивный скот и удовлетворяли потребности семьи и хозяйства собственным трудом, не прибегая к найму рабочей силы. Они почти не располагали излишками сельскохозяйственной продукции и еле сводили концы с концами, в результате бедняки проигрывали как продавцы и как покупатели. Поэтому, неудивительно, что в условиях систематической купли-продажи многие из них окончательно разорялись.

Довольно большой удельный вес в сибирском крестьянстве имели середняки. На их долю приходилось более трети посевной площади крестьян и примерно такая же часть поголовья скота, машин и наёмных рабочих. Средняк в Сибири был близок по своему имущественному статусу к кулаку в центральной части страны. Но это не исключало тяжелой ноши крестьянской жизни, т.к. именно середняки являлись плательщиками основной части множественных податей.

Демографическое поведение крестьянства определялось традиционным типом, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных норм. Обычным явлением была ранняя брачность. Согласно данным переписи 1897 г., состояло в официальном браке 67,8% сельских женщин и 64,1% мужчин в возрасте 15 лет и старше⁵¹.

Наблюдавшееся в начале XX века массовое переселение, помимо прироста числа крестьянских хозяйств, вызвало увеличение их людности. В силу ряда причин семьи переселенцев были больше, чем у старожилов. Во многом в результате этого средний состав семейного крестьянского двора в регионе вырос с 5,7 в 1897 г. до 6,1 чел. в 1917 г.⁵². На севере края продолжала сохраняться патриархальная семья численностью 20-25 человек на двор. На состав семьи определенное влияние оказывало экономическое состояние крестьянского хозяйства. Малая людность в зажиточных семьях компенсировалась наймом рабочей силы, а в обедневших к уменьшению состава семьи приводил отпуск молодых работников в найм. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятностным образом проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводило к его превращению в зажиточное⁵³.

Типологическое тождество семейного дворохозяйства сибирских крестьян с хозяйством крестьян в других регионах страны не означало полного отсутствия его особенностей, проявившихся вследствие действия ряда специфических социально-политических и природно-географических факторов.

---

⁵¹ Зверев В. А. Дети — отцам замена: Производство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 68

⁵² Зверев В. А. Дети — отцам замена: Производство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 120

⁵³ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития// Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 34

Сибирь не знала классических форм крепостного права, а местные крестьяне были избавлены от помещичьего патернализма. Имевший место в регионе государственный патернализм был более мягким. Отсутствовала в Сибири и жесткая внутриобщинная «уравниловка», которая, как и помещичья опека, деформировала хозяйственную ментальность крестьян. Сибирский крестьянин обрабатывал земли столько, сколько мог и терял право на пользование участком только после окончания его эксплуатации. Община, как правило, размеры пахотных наделов не ограничивала и их уравнительных переделов не устраивала. Почти повсеместным объектом переделов являлись лишь естественные сенокосы, которые по хозяйственной значимости стояли на втором месте после пахотных земель. Сенокосные участки делились равными долями между членами общины, захватнический метод здесь пресекался.

Как и везде, крестьянское хозяйство существовало в рамках сельской общины, которая обладала правом регулирования землепользования и социального контроля. Принадлежало хозяйство всей семье и обрабатывалось полностью или в основном совокупным трудом ее членов. Каждый член семьи действовал в соответствии с традиционными нормами семейно-ролевого трудового и социального поведения. Характерными чертами крестьянского хозяйства являлись низкий уровень его специализации и товарности, абсолютное преобладание ручного труда, применение экстенсивных агротехнологий и простого инвентаря⁵⁴.

К концу XIX века главным занятием крестьян оставалось земледелие. Учитывая неблагоприятные погодные условия здешнего климата, крестьяне отдавали предпочтение залежно-паровой системе земледелия, при которой вся возделываемая земля делилась на две части: одна под обработкой (пашня и пары), другая – в резерве (залежь). В зависимости от типа рельефа и вида работ крестьяне пользовались сохой, плугом Эккерта, бороной, косами, серпами. С постройкой Транссиба в Сибирь стали проникать жнейки и молотилки, но их

---

⁵⁴ Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса// Электронная библиотека истории России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov/index.php (дата обращения: 10.03.2018)

дороговизна отталкивала среднестатистического крестьянина пользоваться подобной. Ситуация изменилась со строительством Сибирской железной дороги, позволившей открыть государственные и частные склады по продаже техники, заметно удешевлявшей сбор урожая⁵⁵. Земледельческие работы начинались с апреля-мая и продолжались до сентября-октября. Экстремальные климатические условия принуждали крестьянина к интенсивному графику работы, иначе семья на зиму рисковала остаться голодной.

Транссибирская магистраль не только привела к увеличению масштабов аграрного переселения в регион, но и создала возможности для организации широкомасштабного экспорта сельхозпродукции. Крестьянские хозяйства стали более активно вовлекаться в рыночные отношения и наращивать свою товарность.

Хозяйственная ситуация в сибирской деревне стала улучшаться в 1923 г. в связи с уменьшением и упорядочением налогообложения и расширением семенной и иной помощи крестьянству. Площадь посева в регионе выросла на 22%⁵⁶.

В дальнейшем, по мере развертывания НЭПа в сибирской деревне, тенденция поступательного развития аграрной экономики сохранилась. За 1924—1928 гг. посевные площади в регионе выросли на 56%⁵⁷. В годы НЭПа сельское хозяйство Сибири сохранило приобретенную в период Первой мировой войны преимущественно зерновую специализацию. Вместе с аграрной экономикой восстанавливалось и крестьянское хозяйство, которое в годы НЭПа оставалось ее основной организационно-производственной ячейкой.

Объявленный в 1926 г. курс «Лицом к деревне» способствовал ускорению темпов развития сельского хозяйства. Но стоит заметить, что крестьяне все равно не стремились вступать в колхозы, предпочитая договорные отношения

---

⁵⁵ Фёдорова В.И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск, 2016. С. 29-30

⁵⁶ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития// Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С.18

⁵⁷ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития// Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 51

между соседскими дворами. В 1927 г. 670 колхозов объединяли лишь 0,7% сельских семей Сибирского края⁵⁸.

1.2. Труд, богатство, собственность

Важным компонентом при изучении трудовой этики крестьянства является его взгляд на сущность труда, общественные различия, богатство и собственность.

В русском языке понятие труда изначально определялось через усилия, прилагаемые человеком для осуществления какого-либо замысла. В толковом словаре В. Даля с этим понятием связывается «всё, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет». От корня «труд» образованы слова, обозначающие болезнь, мучение и привыкание к страданиям: «трудоватым» назывался немощный, больной человек. Глагол «трудиться» имел значения «мучиться, живя в нищете»⁵⁹.

Представления о труде в России формировались, с одной стороны, под влиянием православия с инкорпорированными в него языческими верованиями, с другой — под влиянием накопленного обществом многовекового опыта жизни в определенных социально-экономических и природно-климатических условиях.

Как уже говорилось ранее, сибирская специфика понимания труда заключалась в личной свободе и свободе труда от ненавистного помещика, которому не нужно было кланяться. Крестьянин Сибири был сам себе хозяином с собственными личными и имущественными правами согласно трудовой морали и обычному праву общины. Труд для сибирского крестьянина являлся не только источником благосостояния, сытости, но и свободы в смысле личной независимости и хозяйственной самостоятельности.

Но в тоже время, возделывание почвы и содержание хозяйства в рамках экстремальных погодных условий в одиночку было бы невозможно. Поэтому

---

⁵⁸ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 219

⁵⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка// В. Даль, 2008. URL: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 20.04.2018)

это была не свобода личности, а свобода внутри корпорации таких же тружеников. Стремление к взаимодействию было присуще сибирским крестьянам еще с середины XIX века. Показательны в этом плане взгляды сибирского крестьянина Т.М. Бондарева, он призывал жить согласно «первородному закону», «трудами рук своих», весь мир он желал видеть, как «единодушную и единосердную артель»⁶⁰.

Главной социальной ячейкой, где складывалось мировоззрение крестьянина, его представления об окружающем мире – природе и обществе, о своём предназначении, должном и сущем, социальной справедливости была община. Община выступала как социальный институт, регулировавший внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, хранитель и транслятор производственного и социального опыта, всей системы ценностей крестьянства. На общине замыкались основные проявления жизнедеятельности и его сознание, естественно, не могло быть иным нежели групповым, общинным.

Для крестьянина община являлась целым миром. Недаром русские крестьяне сами называли общину миром или обществом. Крестьянин-общинник делил людей на своих и чужих. Причём к категории чужих относились не, только горожане, помещики, и вообще представители иных сословий, но члены других сельских сообществ. По мнению Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, прямым следствием локализма и автаркизма общины являлось растворение личности в коллективе, господство группового сознания⁶¹. Групповое сознание пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие из стари традиции и идеалы.

---

⁶⁰ Бондарев Т.М. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца// Познавая с удовольствием, 2008. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_56.htm (дата обращения: 10.12.2017)

⁶¹ Данилова Л.В. Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С. 22-40

Образ общины как «своего мира» мотивировал установки поддержания высокого уровня нравственности и порядка. В картине мира крестьян неразрывна ценностная взаимосвязь: высокий уровень нравственности в обществе зависел от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могу»⁶². Таких община могла даже выселить из селения.

В конце XIX – начале XX в. отношение к общине в крестьянской среде было двойственным. Наряду с господствующей тенденцией на поддержку большинством крестьянства общинных порядков, наблюдалось и негативное отношение к ним. Это во многом объясняется тем, что в процессе переселения крестьянство утратило свою однородность, как в экономическом, так и в социальном плане. Отсюда, складывание в различных группах крестьян, различных потребностей, ориентиров и ментальных установок. Также следует отметить возросший контроль над общинной жизнью со стороны государства, частичную утрату ею самостоятельности. Чрезмерная опека разрушительно влияла на способность общины к воспроизводству норм традиционной жизни и применения их на практике.

Двойственная природа крестьянского отношения к общинному укладу непосредственно отразилась в устном народном творчестве⁶³: «Мир – велик человек; мир – великое дело»; «Что миром положено, тому быть так»; и наоборот, существовало не меньше пословиц с критическим отношением к общинному коллективизму: «Народ глуп: все в кучу лезет»; «Мужик умен, да мир дурак». Крестьяне были далеки оттого, чтобы идеализировать общинный уклад. Мужик, выступающий хозяином пашни, подчеркивал в фольклоре необходимость полагаться только на свой труд: «Кто о чем, а мы о своем. Кто по ком, а мы по себе»; «Не постою ни за что, постою только за себя». Найти пословицу, восхваляющую коллективный труд будет куда сложнее, но стоит заметить, что уважительно отдельное место в своих воззрениях крестьянин

---

⁶² Пестов Н. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М., 1833.

⁶³ Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1862.

отводил соседу: «Без брата проживу, а без соседа не проживу», что подчеркивает предпочтение крестьян справляться с делом в рамках мини-коллективизма.

Начиная с 60-х годов XIX века распространенной формой сотрудничества стала супруга, выражавшаяся в объединении сил нескольких хозяйств с обобществлением скота и орудий труда. В годы радикальной модернизации аграрной сферы политическая элита уповала на создание артелей, беря коммуны только на перспективу, поэтому в 20-е гг. XX века руководство на местах всеми силами старалась навязать крестьянству оформление супруг в товарищества. Но в силу своей безграмотности крестьянин опасался вступать в официальные трудовые отношения, предпочитая верить на слово представителям своей же социальной группы. По сведениям сельскохозяйственных переписей 1927 и 1928 гг., к супруге прибегало более 90% середняцких хозяйств⁶⁴. Экономическая эффективность супруги подтверждалась также тем, что ее участники – несколько хозяйств, позволяли себе закупку сложных машин, которые нередко конкурировали с государственными машинными товариществами.

Условия короткого сибирского лета, устойчивой жаркой погоды, постоянных усилий по «росчисти» новой пашни, широкого круга работ в зимние месяцы, в крестьянах вырабатывали привычку к длительному и напряженному труду.

В рамках земледельческого цикла все празднично-воскресные дни разделялись на три группы: воскресенье, официальные государственные и церковные праздники, и так называемые храмовые или бытовые⁶⁵. Воскресенье было общим для всех. Вторая группа праздников была постоянной величиной и насчитывала около 30 дней. Число и состав праздников третьей группы весьма сильно изменялся вследствие того, что они санкционировались обычным

---

⁶⁴ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 80-81

⁶⁵ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 418-420

правом и традициями данной местности⁶⁶. Продолжительность праздников не носила фиксированный характер: так осенний праздник «Покров» в урожайный год праздновался 5-6 дней, в год средней урожайности - 2-3 дня, в неурожайный год один день. Нельзя также упускать, что каждая крестьянская семья имела собственные праздники, наконец, несколько дней в году уходило на поездку на ярмарку или базар, на болезни, значительное время для работы пропадало вследствие непогоды.

Крестьянское хозяйство характеризовалось единством производства, потребления и семейной жизни. Муж, жена и дети, а также родственники (братья, сестры, родители) жили и работали в хозяйстве. Вплоть до середины XIX в. большинство крестьянских семей вело производство преимущественно для собственного потребления. В свободное от сельскохозяйственных работ время крестьянская семья сама изготавливала необходимые инструменты, материалы и одежду.

По мнению крестьян, труд должен был быть умеренным, ибо работа сверх меры – своего рода алчность и не может быть богоугодным делом. Работа не имеет конца и края, поэтому важно не терять чувства меры и вовремя остановиться. Данные принципы нашли отражение в народном фольклоре: «Мужик не живет богат, а живет горбат»; «На мир не наработаешься»; «Пашешь - плачешь, жнешь – скачешь»⁶⁷.

Говоря о цели труда А.П. Щапов отмечал, что ценность земледельческого труда в оценках сибирского крестьянства, определялась условием «права на сытный кусок хлеба»⁶⁸. Примером тому служат судебные разбирательства по наследственным делам. В 1872 г. выборные в суде Богучанской волости признали: «наследовать имущество сыну, т.к. он в труде заслужил право достойного домохозяина, а его братья шлялись по разным селениям, как

---

⁶⁶ Ховратович Б.М. Русский народный земледельческий календарь. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1984. С. 105

⁶⁷ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 447-448

⁶⁸ Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнит. том к изд. 1905-1908 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. обл. изд., 1937.

бездомные»⁶⁹. Таким образом, ценность личности и общественная оценка в картине мира крестьян определялась оценками принадлежности к крестьянскому сословию. Наряду с членством в общине, усердный труд земледельца служил, наряду с определителем принадлежности к корпоративному сообществу крестьян, основным мерилom социальной справедливости.

Земледельческий труд представлялся крестьянину наполненным большим смыслом, имеющим важное значение для всего государства. По его мнению, именно крестьянин являлся центром святорусской земли, единственным кормильцем, остальные живут за его счет. Отсюда его негативное отношение к другим сословиям как к дармоедам, которые сидят на крестьянском горбу. Исходя из указанной трудовой морали, и земля должна принадлежать крестьянам, о чем свидетельствует письмо сибирского крестьянина Т.М. Бондарева графу Л.Н. Толстому: «Увы, горе, ах, увы, беда жить бедным людям под властью такого безбожного правительства, да можно ли, да позволительно ли от земледельца землю отобрать, а тунеядцу, белоручке и дармоеду отдать!»⁷⁰

Крестьянину был чужд взгляд на собственность как на источник богатства и власти. Использование ее для эксплуатации и обогащения считалось греховно. Источником существования каждого человека должен быть личный труд. Доказательством тому служит отрывок из переписки сибирского крестьянина Т.М. Бондарева с графом Л.Н. Толстым: «Скажите мне, как, почему и откуда вся плодородная земля, луга, леса, рыбные реки и озера по всей России — помещицкая собственность? Заслужили ли они ее или купили? Или нагло отняли? Или коварно присвоили? Кто, когда и на каких правилах отдал им ее? Уже одной ногой наступила вселенная вся на порог голодной смерти за недостатком земли, а ее и ныне продают миллионерам

---

⁶⁹ Андюсов Б.Е. Автореферат канд дис. «Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII - 90-х гг. XIX вв.». Красн. гос. пед. университет, Красноярск, 2002.

⁷⁰ Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Т.М. Бондарев. Переписка 1885-1898. Мюнхен, 1996. С. 84

навечно»⁷¹. А.П. Щапов так характеризовал собственнические замашки сибирского крестьянина: «Мужик – работник, работа – его капитал, его Божье назначенье. Хлебец – его деньги, его чай - сахар»⁷².

На протяжении целого ряда столетий основным предназначением надела и имущества крестьянского двора представляла необходимость воспроизводства тягла и тяглоспособности двора производительных сил и сил производства. Поэтому у крестьян сформировалось представление о двухуровневом предназначении крестьянской собственности – семейно-потребительском и тягловом⁷³. Так даже в годы НЭПа крестьянская торговая активность как продавца в большинстве случаев стимулировалась стремлением в назначенный срок рассчитаться по сельхозналогу.

За крестьянами сохранялось право сдавать свой надел полностью или частично, продавать на время своему односельчанину с разрешения или без разрешения общины. Правительственные или кабинетские власти указаниями, предписаниями и постановлениями пытались прекратить или ограничить развитие арендных отношений рамками общины. Сдача земель в аренду посторонним лицам считалась равносильной отказу от данного участка как лишнего, ненужного, и арендная плата за него должна была поступать в казну.

Зажиточная часть крестьянства стремилась к сохранению захватного способа землепользования. Но не из жадности, а из стремления к старательности. Бедный крестьянин хоть и имел право захвата, не мог осуществить его из-за недостатка материальных средств. Они вносили такие же подати, как и богатые. Поэтому беднота искала выход в уравнительных переделах, происходивших раз в три года, мотивируя это тем, что мало стало земли и лучшую захватывают богатые, при переделах же можно продавать свой земельный излишек богатым, чтобы получить деньги для уплаты податей.

---

⁷¹ Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Т.М. Бондарев. Переписка 1885-1898. Мюнхен, 1996. С. 50

⁷² Андюсов Б.Е. дис. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII - 90-х гг. XIX вв. канд. ист. наук. Красн. гос. пед. университет, Красноярск, 2002.

⁷³ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С. 92-105

В менталитет крестьян отложилось преимущественное право общины в отношении крестьянской недвижимости. Община не допускала раздела надела, если возникала угроза утраты тягоспособности крестьянского двора. После выдела молодой крестьянин не мог претендовать на долю родителей по наследству, она доставалась младшему брату с обязательством следить за престарелыми родителями. Таким образом, крестьянин наследовал не имущество и не собственность, а образ жизни.

Репутация крестьянина как умелого и уважаемого домохозяина зависела в первую очередь от его умения так наладить жизнь и производственную деятельность своего двора, распорядиться трудом и его результатами, чтобы и тягло исправно несло, и потребности семьи удовлетворялись бы без чрезмерного напряжения сил. Если большак плохо справлялся с хозяйством, то община могла сменить его.

Право на собственность коренилось в физическом труде на земле. В представлении крестьян земля не могла быть частной собственностью, т.к. она была дана Богом. Крестьяне были убеждены, что «леса никем не сеются и не сажаются, а созданы на общую потребу»⁷⁴, а потому порубки в казенном лесу не рассматривались ими как нарушение права собственности. Возникло почти религиозное отношение к собственности: «Кража скошенного сена на лугу, хлеба на поле, хотя никто не сторожит, вещь совсем исключительная, покрывающая виновника вечным позором... Если путнику понадобится в дороге корм для лошади, он берет сено из первого попавшегося зарода, но непременно кладет в зарод деньги, соответственно стоимости сена»⁷⁵.

Наличие мотивации на использование собственности в качестве капитала было для крестьян самым точным индикатором, помогавшим определить кулака. Прежде всего, обращали внимание на эмпирические признаки: навязывает нечестные условия найма лошади; использует в обработке надела силу батраков, но сам в поле не работает; арендует мельницу или производит

---

⁷⁴ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С. 92-105

⁷⁵ Ефименко А. Исследования народной жизни. М., 1884. С. 143-144

самогон на продажу, берет в жены не девку, а приданное, торгуясь за какую дочь, что отдадут. Как отмечалось в одном из писем в газету «Беднота», кулак – это характеристика не столько имущественного состояния крестьянина, сколько состояние его души⁷⁶.

Характерной чертой традиционного крестьянского мировоззрения оставалось уважение к труду. Издавна крестьяне считали, что честный человек – это, прежде всего, человек трудолюбивый.

Профессиональные умения крестьян являлись предметом личной гордости. Ярким деревенским умельцем был крестьянин Федор Федорович Девятов. Имея «крепкое» хозяйство, где наряду с собственным трудом использовалась наемная рабочая сила, Девятов постоянно совершенствовал средства и приемы его ведения. Он внедрил в обиход опыт передовых севооборотов для того времени, новые сорта культур. Постоянно совершенствуясь, читая литературу, проводя эксперименты, что было не свойственно типичному крестьянину, Девятов много лет получал стабильные урожаи и презентовал достижения на сельскохозяйственных выставках не только в России, но и даже за рубежом (Красноярск, 1892 г., Чикаго 1893 г.). Следуя новым веяниям, Девятов ввел в собственное хозяйство еще и животноводство, создал конный завод, разводил свиней и крупный рогатый скот. К нему обращались за помощью и советом, Федор Федорович делился семенами, объяснял принципы работы с сельскохозяйственными орудиями.

Первые сельскохозяйственные выставки поначалу воспринимались как чудачество из-за «разумного консерватизма» посредственного крестьянства, склонного не перенимать чужие эксперименты, рискуя не взрастить урожай вовремя и остаться голодными. Поэтому наряду с выставками распространение получила сельскохозяйственная периодика. Издания рассылались бесплатно членам обществ, в публичные и народные библиотеки, во властные структуры, в канцелярии правительственных агрономов, в редакции родственных

---

⁷⁶ Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 87

периодических изданий, в библиотеки сельскохозяйственных обществ, в газеты и журналы для рецензирования.

Еще более важно, что представления крестьянина о «трудящемся» и «бездельнике» отличались узостью. Например, недоброжелательное отношение к городскому населению, мнение, что рабочие и служащие благоденствуют за счет деревни, представляло собой наиболее распространенный стереотип в крестьянской среде. По мнению М. Горького, русский крестьянин в силу своей дикости опасался города и был не прочь даже уничтожить его⁷⁷. Несмотря на одиозность таких суждений, значительное влияние на сознание крестьянина определялось рядом конкретно-исторических причин.

Стоит также отметить, согласно материалам Совещания 1902 года, деньги для крестьянина не являлись средством накопления, а лишь служили основой для удовлетворения непосредственной потребности⁷⁸. В народной массе отсутствовало стремление к сбережению, накоплению или расширению хозяйства. Но с усилением новых веяний популярность среди крестьянского населения приобрели кредитные кооперативы. Они принимали вклады крестьян под 5-6% годовых и выдавали кредиты под 12%. Несмотря на то, что ростовщичество считалось грехом, кооперативы строились на паях, т.е. каждый должен был внести свой пай, дабы гарантировать собственную платежеспособность, это не противоречило трудовой морали⁷⁹.

Личное благосостояние крестьянина являлось индикатором отношения сельской общины к нему, так как единственным его источником являлись упорный труд, работоспособность и предприимчивость членов семьи. Относясь с уважением к работающим и эффективным работникам, обеспечивающим своим трудом благосостояние семьи, крестьяне осуждали неумелое или недобросовестное ведение хозяйства. Вместе с тем, для русского крестьянина

---

⁷⁷ Горький М. О русском крестьянстве. Революционные откровения пролетарского классика// Русская жизнь, 2007. URL: <http://rulife.ru/mode/article/68/> (дата обращения: 01.11.2017)

⁷⁸ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 443

⁷⁹ Фёдорова В.И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск, 2016. С. 57-58

было характерно отсутствие стремления к накопительству. Об этом красноречиво говорят русские пословицы: «Не в деньгах счастье»; «Не с богатством жить – с человеком»; «Богатство – вода, пришла и ушла»; «Мужик богатый, что черт рогатый»; «С богатства брюхо пучит, да душу плющит»; «Не от скудости скупость – от богачества».

В своем произведении Г.И. Успенский приводит такие размышления крестьянина о богатстве: «Представьте себе, что выйдет, если мы, оценив результаты в деньгах, дадим этих денег любому крестьянскому двору втрое больше, чем он вырабатывает в течение года, — что выйдет? Образуется не семья трудящихся, занятых людей, а толпа ртов, у которых вся жизнь — сплошная пустота, что мы и видим в семьях, где живут, как говорится, "на готовые деньги"; тогда как владычествующая над ним земля и труд, к которому она обязывает, наполняют все его существование, объясняют ему необходимость и надобность каждого шага, каждого поступка, каждого помышления. Жена крестьянина, которая в крестьянстве неценена, при готовых деньгах, при отсутствии крестьянского земледельческого труда теряет вдруг все свои достоинства; она оказывается просто дурой, дубиной, деревом, которое будет мешать везде, куда только ни сунется. Вот почему так противны те из крестьян, которые вылезли к деньгам, отделились от труда, живут на готовое: скучнее, пошлее этой жизни трудно себе представить»⁸⁰.

Отношение к богатству было противоречивым. Оно не порицалось, если было нажито своим трудом, но и не являлось самоцелью и безусловной ценностью. В народе бытовало мнение, что богатство – это наказание Божье, и войти с ним в Рай будет сложнее, чем любому другому грешнику. Только нравственный труд мог оправдать богатство. Из наблюдений Ф.Ф. Девятова становится понятно, что и в Сибири среди крестьян порицались занятия, направленные на обогащение, но не связанные напрямую с физическим трудом, как и в европейской части страны: «Здесь кулак и мироед резко отличаются

---

⁸⁰ Успенский Г.И. Власть земли. М., ГИХЛ, 1956.

от российских собратьев и окрещены иным именем – майданщиками». Это торговцы, ростовщики, держатели винных лавок»⁸¹.

Иным было восприятие бедности и даже нищеты – как состояний, родственных простоте жизни, её неотягощённости материальными и мирскими заботами в ущерб духовному росту и развитию, а, значит, – богоугодных: «Скупой богач беднее нищего»; «Кого Господь полюбит – нищетою взыщет»; «Богатство гибнет, а нищета всё живёт»; «Нищета ум спасает».

Все русские мыслители, философы и писатели отмечали неприятие русской душой буржуазности. «В русском народе, – писал Н.А. Бердяев, – поистине есть свобода духа, которая даётся лишь тому, кто не слишком поглощён жадной земной прибылью и земного благоустройства»⁸².

Мерой своего благосостояния крестьяне считали удовлетворение двух естественных потребностей: достаточного семейного жизненного обеспечения и желания общинного одобрения, общинной доброй славы за рабочую исправность и домовитость. Стоит заметить, что скупость не порицалась, а являлась залогом зажиточности. Жадность определялась словом «жила».

Представления крестьян о соотношении труда и денег отразились даже в оценке трудовых способностей животных. Например, по факту убийства беспривязной охотничьей собаки истец-зажиточный крестьянин взыскал 5 рублей с ответчика, но суд постановил возместить ему 1 руб. 50 коп, т.к. «собака была не из удачных». В оценке по другому делу за погибшую лошадь возместили 8 рублей вместо 10, ибо она была ленива в работе⁸³.

Таким образом, следует вывод, что целью основной массы крестьянства было не приобретение богатства, как такового, не накопление денег как самоцель, а обеспечение достойной жизни семьи, не обогащение любой ценой, а получение дохода честным путём – в результате собственного добросовестного труда. Именно такой путь приобретения материальных благ

---

⁸¹ Андюсов Б.Е. дис. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII - 90-х гг. XIX вв. канд. ист. наук. Красн. гос. пед. университет, Красноярск, 2002.

⁸² Бердяев Н.А. Душа России. М., 1990. С. 12

⁸³ Андюсов Б.Е. дис. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII - 90-х гг. XIX вв. канд. ист. наук. Красн. гос. пед. университет, Красноярск, 2002.

соответствовал представлению крестьян о чести. В контексте крестьянского миропонимания деньги являлись средством обмена за труд, но никак не средством буржуазного накопления.

Но по мере того, как аграрная реформа Столыпина стала набирать обороты, в Сибири к 1917 г. уже четко обострилась проблема безземелья, потому благосостояние крестьянства всё меньше стало зависеть от его личного усердия. В процессе развития капитализма формировался сельский пролетариат — наемные рабочие с наделом как типичные представители его, неимущие крестьяне, в том числе и безземельные. Экономическая необходимость заставляла бедноту продавать рабочую силу. Чаще прибегали к поденному найму. Условия найма на год или какой-либо иной срок могли быть капиталистическими по своему характеру, но часто наем носил кабальный характер, особенно при работе на дому и поденщине. Кабала ухудшала положение бедняков.

Наряду с этим в среде середняков также обозначилась тенденция к пролетаризации. Развитие товарно-денежных отношений, экономическая обстановка и особенно ряд неурожайных лет ускорили этот процесс. Средняк пополнял группу малоимущих крестьян. Участвуя в продаже хлеба, в денежном отношении крестьяне проигрывали, поскольку продавали хлеб скупщикам по одной цене, а покупали и брали в долг по более высокой. Это свидетельствует о том, что разорявшиеся середняки также эксплуатировались торгово-ростовщическим капиталом. Часть хозяйств еще могла существовать самостоятельно, но многие пополняли бюджет либо занятиями различными ремеслами, либо работой по найму. Каждый пятый мужчина этой группы — постоянный наемный рабочий. Подчиненный характер хозяйства — зависимость от кулака-скупщика в реализации своей продукции — обусловил преобладание среды разорявшихся середняков кабальных форм найма.

Данные явления среди крестьянства стали менять отношение, в первую очередь переселенцев, к стремлению обжиться на новом месте и превратить свой двор в зажиточный. Сибирское крестьянство подошло к социальным

потрясениям 1917 г. уже будучи расколотым не только по линии социальной, но и ментальной на две враждебные группы: старожильческой зажиточной верхушки и переселенческой бедноты, которая с восторгом встретила декреты новой власти.

Первое время после утверждения своей власти большевики были вынуждены считаться с земельными требованиями крестьянства, и землепользование крестьянских хозяйств определялось на практике величиной крестьянской семьи, количеством едоков и работников в ней. Проводилось уравнильное землепользование по так называемой трудовой или потребительской норме.

Но невозможность распорядиться полученной после Октябрьской революции 1917 г. землей, нарушение функций собственности ослабляли значение самого факта владения землей, чувство ответственности за землю, за труд на земле, что не стимулировало развития крестьянского хозяйства у зажиточного середняка. Продразверстка предусматривала почти полное изъятие хлеба у крестьян. Посягательство на частную собственность, нарушение прав собственника приводили к тому, что у сельского труженика пропадал стимул к производству продуктов сверх потребительской нормы и нужд хозяйства. Социальная несправедливость, тяжелое материальное положение, негативно отражаясь на психологическом состоянии, вызывали недовольство, несогласие крестьян с политикой власти. Но в силу узкого политического кругозора простому крестьянину тогда было невдомек, что такая политика была необходима для власти, и иного выбора у нее не было.

Протесты сибирских крестьян вызывала не сама по себе развёрстка – взимание податей было делом привычным, приемлемым, но возмущала чрезмерность заданий и отсутствие учёта местных условий, возможностей и потребностей крестьянского хозяйства: «Население радо помочь России, но только по силам»⁸⁴.

---

⁸⁴ Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920 – 1921 гг.// Сибирская вольтота, 2006. URL: <http://volgota.com/lib/sovvlaskre.html> (Дата обращения: 1.05.2018)

Поскольку крестьянский быт прост и непритязателен, от представителей власти требовался отказ от излишеств, даже аскетизм. Сибирские крестьяне заявляли: «Мы согласны давать всё, что от нас требуют по развёрсткам для красной армии и рабочих, но не знаем и сомневаемся: доходит ли это всё до них, не расходуется ли по рукам коммунистов и их комиссаров»⁸⁵.

Селяне Зиминского уезда Иркутской губернии высказывали аналогичные претензии: «Вы, коммунисты, говорили, что для Советской власти отдадим последние лапти, а сами ничего не дали, зато с нас содрали больше, чем полагается»⁸⁶. Показательно письмо Гавриила Замуры, направленное им в Центральную контрольную комиссию РКП(б). Крестьянин писал о том, что крестьяне угнетены и обижены, высказывал сомнения в добросовестности продовольственных начальников, выгораживая при этом официальную власть. Замура сообщал, что у крестьян забирают весь хлеб, не оставляя на семена, отбирают скот⁸⁷.

Последней каплей в чаше терпения крестьянства, самого многочисленного социального слоя страны, было проведение продразверстки. В разных концах страны вспыхнули антиправительственные выступления крестьян, которые, в результате заставили власть по-новому отнестись к выстраиванию экономической политики государства. Принятые в 1921–1922 гг. законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, а также о земельных порядках, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для подъема сельского хозяйства, позволяя еще раз присмотреться к советам и оценить их иначе.

---

⁸⁵ Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920 – 1921 гг.// Сибирская вольтота, 2006. URL: <http://volgota.com/lib/sovvlaskre.html> (Дата обращения: 1.05.2018)

⁸⁶ Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920 – 1921 гг.// Сибирская вольтота, 2006. URL: <http://volgota.com/lib/sovvlaskre.html> (Дата обращения: 1.05.2018)

⁸⁷ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 187

Переход к НЭПу свидетельствовал о том, что государство стремилось услышать крестьян. Период НЭПа запечатлелся в народной памяти как эпоха вольной жизни и всеобщего трудолюбия: «Люди интересовались жить и работать в крестьянстве, и не нужно было никакого начальства»⁸⁸. Крестьянина в первую очередь интересовали собственные свободы и перспективы развития личного хозяйства, нежели общенациональные задачи государства, что подчеркивало анархистскую природу крестьянства. Именно в этом и проявлялось традиционное мировоззрение деревни, с характерными для него локализмом, узостью политических взглядов и гражданского кругозора.

В годы НЭПа советская власть старалась всячески нейтрализовать последствия возникшего в период Военного коммунизма конфликта с крестьянством. В политической пропаганде повсеместно акцентировался образ крестьянина труженика («старателя»). Партия бросила в массы лозунг «обогащайтесь», что было созвучно интересам определенной части крестьянства. Это несколько смягчило отношение крестьян к новой власти. В деревне перестали распространяться нелепые слухи о намерениях коммунистов согнать всех в коммуны, обобществить скот, орудия труда и даже жен. Идеология НЭПа в целом соответствовала интересам сибирского крестьянства.

Именно в силу однородности советской власти и крестьянства они были просто обречены на союз, что было отражено даже в официальных символах государства. Серп и молот на гербе СССР означали не только символ союза пролетариата и крестьянства, но и символ труда как высшей ценности.

«Трудовая» доминанта советской идеологии находила горячий отклик у крестьян. По всему Советскому Союзу в первые годы НЭПа крестьяне с воодушевлением писали в газеты о празднике труда – 1 мая, присылая подробные письма о демонстрациях, обширных субботниках и гуляниях после них, главный посыл которых заключался в справедливости и важности существования данного праздника. «По инициативе актива в день

---

⁸⁸ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 43

международного пролетарского праздника 1 Мая был устроен большой субботник по уборке главной площади. Он продолжался пять часов. Уставшие, но бодрые и радостные, возвращались крестьяне по домам»⁸⁹. Согласно трудовой этике крестьянства, 1 мая запрещалось работать на земле, о чем свидетельствует письмо И. С. Черноиванова, повествующее о драке между двумя жителями деревни, нарушивших данный запрет⁹⁰.

Власть успешно использовала и присущий крестьянской психологии соревновательный дух, стремление показать перед другими свое умение трудиться, свою «хозяйскую справность». Известный агроном-самоучка из сибирских крестьян Т.С. Мальцев в беседе с М.А. Шолоховым вспоминал: «В первые годы большинство колхозников работали в артели без усталости... Конечно, лодыри тоже попадались, но им житья не было, так зло их высмеивали. Это ведь у крестьянина в крови – сделать все добротой»⁹¹. Поэтому организация социалистического соревнования, которое в годы коллективизации стало внедряться в деревне, было встречено в целом положительно. К тому же соревнование предполагало помощь отстающим⁹², в этом смысле большевики использовали традиционное коллективистское сознание и солидарность, что также соответствовало основам крестьянской трудовой морали. Впервые государственной трудовой политике было придано человеческое лицо – повсеместно появились доски почета с фотографиями «ударников труда», на собраниях прилюдно, в пример остальным, вручались именные грамоты за достижения успехов в труде. Проводимые мероприятия способствовали росту настроений уверенности крестьянина в его социально-значимой роли, которую не единожды отмечала советская власть.

Вместе с тем на формирование новых социальных стереотипов среди крестьянства по-прежнему влияли старые представления о крестьянском труде

---

⁸⁹ Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея. М.: Наука, 1969.

⁹⁰ Соколов А.К. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.// Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/28600> (дата обращения: 8.04.2018)

⁹¹ Иванов Л. Терентий Мальцев – народный академик. М, 1973. С. 202

⁹² Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 78-79

как о доле людей, находящихся на самых низких ступенях социальной лестницы. Это было связано с тем, что сельский труд и в это время оставался слабо механизированным, изнурительным⁹³. Это отразилось в таких характерных определениях как «чертомелить», «робить до упаду»⁹⁴.

Власть пыталась изменить ситуацию, форсируя механизацию сельского хозяйства. И уже к концу 1920-х гг. были достигнуты первые успехи. Согласно стенограммам секретарей по подготовке Сибири к коллективизации, постепенно вводился новый источник двигательной силы в хозяйстве – механический двигатель, которым были оснащены примерно около 30% колхозов к 1931 г. На замену лошадям стали вводиться трактора, но площадь пахоты ими составляла не более 5% от всей площади в силу низкой квалификации работников. Сохи, косули и др. примитивные орудия, применявшиеся до революции в массовом масштабе, полностью были вытеснены плугами. Особо тщательно власть следила за поставками новых тракторных сеялок, которые к началу 1930 г. имелись во всех колхозах Сибири. Но примечательно, что сбор урожая продолжал во многом оставаться ручным⁹⁵.

Менялись не только условия труда крестьян, но и культурно-образовательный уровень. Повсеместно организовывались курсы, открывались специальные учебные заведения. В газетах печатались статьи о новых методах обработки земли, которые зачитывались на собраниях колхозников. Частью просветительской работы на селе стала организация выставок. Несмотря на бытующее мнение среди крестьянства, что последние не будут пользоваться успехом и популярностью, уже через пару лет после введения выставок, принять участие в такой являлось честью. Было не так просто попасть в ряды тех, кто имел право представить свои достижения на всеобщее обозрение.

Модернизации сельского хозяйства мешало традиционное крестьянское недоверие масс к государственному аппарату. Для рядового крестьянина

---

⁹³ Успенский Г.И. Из деревенского дневника. Москва : ГИХЛ, 1956.

⁹⁴ Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Том 5 (У – Я) / под общ. ред. С.П. Васильевой; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. С. 22

⁹⁵ Ильиных В.А. Коллективизация Сибирской деревни. Январь-май 1930 г. Новосибирск, 2009.

работник городской администрации слыл «кулажником», «чужеедом». Иной раз крестьянин воспринимал служащего как бывшего помещика, пролезшего на место во власти, чтобы отомстить крестьянам за их разорение.

Мероприятия советской власти, направленные на преобразование деревни, не могли не отразиться на социальной структуре крестьянства. В годы НЭПа заметно возросла доля зажиточного крестьянства. Власть с подозрением относилась к этой группе как буржуазной. Критерием социальной классификации для власти выступали такие показатели, как обеспеченность рабочим скотом, размер надела, использование наемного труда. Однако у крестьян был свой подход к этому вопросу. Специфика взглядов крестьянства на социальную дифференциацию заключалась не в подсчете хозяйства по размерам и его зажиточности, а в том, каким путем данное имущество было нажито. Наем крестьянами рабочей силы также не являлся признаком кулачества, если сам наниматель работал на земле вместе с остальными. Чаще всего кулака видели в жадном и жестоком мироеде, закабальвавшем односельчан, и не редко собственную семью. Старшее поколение, остававшееся носителем традиционной трудовой этики, относилось к зажиточным крестьянам по-разному: завидовали по-черному или по-белому, стремились достичь такого же достатка. Но никогда отношение к крепкому мужику, работавшему своими руками, не было однозначно негативным. Как писала об этом А.И. Хрящева, в представлении крестьянства слово «кулак» соответствовало оценке поведения человека, нежели название всего класса⁹⁶.

Что касается отношения крестьян к бедноте, то здесь тоже были нюансы. Как отмечал исследователь М. Грандов, деревня требовала четкого разграничения на «бедняков-разгильдяев» и «бедняков по нужде»⁹⁷.

Однако по мере углубления социальных противоречий в деревне и ужесточения политики власти к зажиточной сельской верхушке, отношение к ней начинает меняться. Среди бедноты всё чаще звучали призывы к

---

⁹⁶ Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С 110

⁹⁷ Грандов М. О классовом расслоении в деревне и о положении деревенской бедноты. М.: Новая Москва, 1926. С. 6

раскулачиванию и уравнительности, допуская возможность самовольной расправы над кулаками. К 1929 г. было раскулачено 51 885 кулаческих хозяйств в 15 округах⁹⁸. В процессе раскулачивания на местах допускались крупнейшие «перегибы». Из докладной записки Сибрайкома следует, что во всех округах имели место факты «голораскулачивания». Наряду с голораскулачиванием в ряде мест наблюдалось мародерство, расхищение кулацкого имущества, включая домашние вещи. Кое-где кулаков ловили по улицам и «организованно» раздевали вплоть до платья, после чего еще и избивали. В большинстве таких случаев в расправе с кулаками участвовали не только беспартийные батраки и бедняки, но и местный партактив. Так, например, «активисты» и беднота Идринского сельсовета Канского округа восприняли лозунг ликвидации кулачества как лозунг физического истребления кулаков.

Однако в целом власть не была заинтересована в раскачивании политической ситуации, ибо это грозило политическим кризисом с необратимыми последствиями. Поэтому «наверху» был принят ряд мер, чтобы ввести процесс в нормальное русло. На места была отправлена секретная шифрограмма И.В. Сталина, в которой подчеркивалось, что политика партии состоит не «в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения», требовалось перейти от репрессий к организационному укреплению колхозов. В 1932 году кампания по раскулачиванию пошла на спад. Большое значение в прекращении репрессий имела секретная директива Сталина и Молотова от 8 мая 1933 года «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения», направленная всем партийно-советским работникам, ОГПУ, органам суда и прокуратуры, и оформленная вскоре как постановление ЦК. В этом документе давалась мотивированная установка на прекращение массовых репрессий в деревне. Восстанавливались в правах ошибочно раскулаченные крестьяне, которым

---

⁹⁸ Ильиных В.А. Коллективизация Сибирской деревни. Январь-май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 240-241

возвращалось имущество. Так, в Канском районе таких оказалось 513 хозяйств, Красноярском — 111, Минусинском — 950⁹⁹.

Затем последовал ряд мер, направленных на корректировку курса коллективизации, известный как «сталинский нэонеп». Они предполагали усиление экономической заинтересованности крестьян при вступлении в колхозы и стимулировании труда колхозников.

Таким образом, НЭП способствовал изменению отношения к труду у разных имущественных групп среди крестьян. Для буржуазной верхушки труд отошел на второй план, уступив место деньгам, как капиталу, за что позже им пришлось поплатиться. Средняки продолжали следовать традиционным заветам и потому не отходили от традиционной трудовой этики. Именно это успешно использовала большевистская власть при организации колхозов, всячески стимулируя трудовой энтузиазм, стремление крестьян к соревновательности. Поэтому, на наш взгляд, ошибочно утверждение, встречающееся в либеральной публицистике, что советская власть якобы демотивировала крестьянина-труженика, на корню уничтожая культуру крестьянского труда. Вся идеология и политика власти была направлена как раз на создание условий для роста профессиональной и трудовой культуры крестьянства, но не стародедовской, а основанной на передовой технике и научной агрикультуре.

Да, она пыталась перековать крестьянское сознание и присущее крестьянину чувство хозяина, замыкавшегося на своем частном интересе, расширить до понимания общенационального. И таким образом расширить горизонт его гражданского мировоззрения, привить чувство сопричастности к продвижению общественного прогресса, созидания нового. В чем-то это делалось грубо и неумело, но эти издержки были обусловлены общей политической и гражданской культурой старого общества, из которого вышло советское. А, главное, то, что было сделано в плане формирования нового

---

⁹⁹ Иллюстрированная история Красноярья. 1917-1991 гг. /В.И. Федорова и др. Красноярск: РАСТР, 2014. С.90-91

хозяйственного уклада и нового типа трудовой культуры отвечало вызовам истории, необходимости перехода от традиционного уклада к индустриальному.

Новая власть предоставила крестьянству возможности для самореализации и в других сферах деятельности, мотивируя к социальной мобильности через различные институты: партию, комсомол, армию, образование. И в первую очередь в продвижении по социальной лестнице преференции имела крестьянская беднота. Однако при этом одного бедняцкого статуса было мало, требовалось приложить личные усилия, чтобы подняться вверх. И это не могло не активировать творческие способности и трудовую мораль человека.

1.3. Семейные традиции

Известно, что специфика отношений между различными поколениями накладывает весьма существенный отпечаток на ход исторического процесса. В вечном конфликте «отцов и детей» источником конфликта нередко становится именно младшее поколение, когда как старшее выступает носителем социальной стабильности и тяжело воспринимает любые преобразования.

Издавна авторитет семьи в народе был необычайно высок. Человек, не желавший в зрелом возрасте заводить семью, вызывал у соседей подозрение. Только две причины считались уважительными – болезнь или желание уйти в монастырь. Русские пословицы и поговорки так оценивали значение семьи: «Не женат – не человек», «В семье и каша гуще», «Семье в куче не страшна и туча»¹⁰⁰. Ещё в далеком средневековье крестьяне жили большими патриархальными семьями из 15-20 человек: престарелые родители, женатые сыновья с детьми и внуками – три-четыре поколения родственников¹⁰¹.

В хозяйственной, общественной, семейной жизни, в демографическом и социализирующем поведении крестьяне твердили: «Наши отцы, деды и прадеды делали все так же, как мы делаем, и изжили века еще лучше нас... Что

---

¹⁰⁰ Пословицы и поговорки про труд и работу// Пословицы и поговорки, 2005. URL: <http://pogovorki.net/cat14/> (дата обращения: 20.10.2018)

¹⁰¹ Рябцев Ю.С. История русской культуры: Художественная жизнь и быт. Москва : Владос, 1997. С. 234

же мы будем выдумывать и грешить?», таким образом, закреплялась особая роль традиционализма в модели воспитания крестьянкой молодежи¹⁰². Ориентация «на старину» как на образец влекла за собой большое внимание всех субъектов воспитания к тому, чтобы ребенок рос «послухмянный» — почтительный по отношению к старшим — главным носителям и трансляторам культуры.

Наиболее отчетливо у русских крестьян Сибири среди воспитательных целей, наряду с уважением к родителям и старшим, формулировалось трудолюбие. Эмоциональное отношение к физическому труду как неперенной обязанности всякого человека, возложенной на него Богом («Без труда — спасенья нет»), как суровой жизненной необходимости для крестьянина, главному источнику благосостояния («Гулявши много смолоду, умрешь под старость с голоду», «Кто рано встает, тому Бог подает»), способность волевым усилием выдерживать тяжелые и длительные трудовые нагрузки — вот основные аспекты трудолюбия как цели воспитания в крестьянской среде.

В таком воспитании был жизненный смысл. В семье «возрастал» необходимый помощник в хозяйстве, который затем должен был стать «припасителем», «бойцом» — основным работником и одновременно домохозяином и, наконец, «призрителем» — кормильцем стариков-родителей в последние их годы. Поэтому дети в крестьянской семье не имели права на полноценное детство: уже в трёхлетнем возрасте отец брал с собой сына на поле, чтобы тот мог неосознанно прочувствовать атмосферу своей дальнейшей участи. По исполнению 5 лет детей заставляли работать дома: следить за младшими братьями и сестрами, содержать кров в чистоте, помогать по хозяйству старшим и прочее. С 10-ти же лет подрастающее поколение отправлялось в поле работать наравне со всеми взрослыми¹⁰³.

---

¹⁰² Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 138

¹⁰³ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. С. 108

Женились и выходили замуж крестьяне в основном только в своей общине, чаще всего осенью¹⁰⁴. Невесту старались выбрать не столько красивую, сколько здоровую, умелую, трудолюбивую. Ведь после замужества ей приходилось брать на себя все домашнее хозяйство, воспитывать детей, ухаживать за скотиной, работать в огороде, поле. В пореформенное время постепенно устанавливаются обычаи выдавать замуж с согласия невесты. К малолетним женихам тоже применялись крутые меры. Если кто жениться не хотел, то батя «оглоблей» заставлял.

Нередко главенствующая роль отводилась «большаку» — самому старшему в роду отцу семейства¹⁰⁵. Соответственно своему значению данный человек пользовался определённым почётом; семья слушалась его распоряжений, указаний.

Большак заведовал хозяйством и казной, которую отдавал на хранение жене; она хранила ее где-нибудь за печкой, в сундуке или в другом укромном месте и выдавала мужу по его требованию.

Если говорить о разделении труда между женщиной и мужчиной, то мужчинам предназначались те виды деятельности, которые требовали пребывания вдали от дома, более высокого риска и большей физической силы. Муж вносил в семью силу пахаря. Он вспахивал и засеивал поле, делясь с женщиной трудом по вывозке урожая и оставляя ей заботу сжать хлеб.

На крестьянку в первую очередь ложились заботы о коровах, молодняке, свиньях, молочном хозяйстве, домашней птице, огороде. К ним добавлялись приготовление пищи, выпечка хлеба, переработка молока в масло и сыр, консервирование мяса, плодов и капусты. Ежедневная варка обеда и стирка белья составляли лишь небольшую часть домашних забот крестьянки. Помимо домашней работы женщины постоянно участвовали в луговых и полевых работах. Характер полового разделения труда должен объясняться в первую

---

¹⁰⁴ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872-1887 гг.). Москва : Наука, 1999.

¹⁰⁵ Порхунув Г.А. История Сибири : хрестоматия. Москва: Флинта, 2011. С. 276

очередь частыми беременностями крестьянок, необходимостью грудного вскармливания и ухода за младенцами, т.е. критерием близости к дому.

Зато зимою труд рыболова целиком доставался мужу. Женщина же принимала на себя заботы по уходу за скотом, стряпне и т. д., которые своею разнородностью и множеством заставляли ее уставать порой сильнее супруга.

Дети рассматривались родителями с точки зрения потребностей домашнего хозяйства. Чуть ли не с четвертого года жизни детям поручалась работа. Дети учились, не столько говоря и слушая, сколько непосредственно участвуя. Школа до конца XIX в. оставалась совершенно чуждой принципам крестьянского мира, будучи не связанной с непосредственным опытом. Это было малозначащее второстепенное дело. Детей посылали в школу тогда, когда было свободное от работы время.

Из всего вышеуказанного следует, что успех и финансовое благополучие семьи, как правило, зависели от политики самого старшего в роду, из-за которой все члены семьи либо богатели, либо беднели.

По мнению историков А. Чураева, А. Шнейдера, сибирская крестьянская семья остро реагировала на экономические изменения в обществе. Наполняемость многопоколенной семьи в Красноярском округе сократилась в первое десятилетие XX века с 5,5 до 5,1 душ обоего пола, основополагающими причинами чего являлся рост отходничества и миграционных процессов, введение всеобщей воинской повинности и высокая смертность среди населения. Религиозная мифологема «Сколько Бог даст» и многодетность в семье стали восприниматься самими же крестьянами как несчастье. Медленно втягивающийся капиталистический уклад в деревенскую местность внес определенные коррективы в семейные отношения, став почвой для их разложения.

Крупным проявлением «ненормального» поведения в демографической сфере стало ослабление внутрисемейных связей. По мере усиления частнособственнического начала в семье, системы внутрисемейной эксплуатации увеличивалось количество «несогласий», «смутки» между

членами семей. Не ладили между собой, прежде всего, женщины, что являлось отражением наиболее приниженного, бесправного положения одних (невестки, снохи) и произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других (хозяйки, «большухи»). Новые торговые и конкурентные начала в отношениях заставляли все чаще внушать себе и детям: «Брат мой — ум свой», «Брат — братом, сват — сватом, а деньги — никому»¹⁰⁶.

«Развращенность и потеря целомудрия молодежью обоего пола даже часто ранее достижения физической зрелости — явления обыкновенные», — утверждалось в отчете о состоянии Енисейской епархии за 1910 г.¹⁰⁷. Однако, такой характер отношений был присущ молодым людям, рассматривающих друг друга в качестве будущих супругов. Родители и община тщательно следили за нравственностью молодого поколения.

Наряду с добрачными отношениями, определенное распространение в сибирских селениях получили внебрачные половые связи женщин и мужчин, имевших свои семьи. В доказательство тому историк В.А. Зверев приводит следующий цитату из местной газеты: «Обыкновенное половое чувство находит себе выражение в мимолетных связях с девушками и замужними женщинами, особенно в летнее время, когда мужья уходят на прииска или полевые работы, редкая женщина сохраняет супружескую верность»¹⁰⁸.

Распространенным явлением в обществе, в условиях строительства железной дороги, развития золотопромышленности, переселенческого движения, сохранения ссылки, долгосрочной казачьей службы и массовых мобилизаций в годы войны стала проституция, являвшаяся сезонным или постоянным промыслом для многих женщин в больших торговых и пригородных селах, в населенных пунктах на крупных транспортных артериях, поблизости от приисков и т. д. Женщины становились жертвами промыслового

---

¹⁰⁶ Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 141

¹⁰⁷ Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 18—19

¹⁰⁸ Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 67

сводничества, вынуждались на этот вид заработков крайней нищетой или невозможностью найти работу, особенно в неурожайные годы.

При капитализме в селениях России вследствие введения всеобщей воинской повинности, разорения части потенциальных женихов, роста отходничества постепенно росло количество людей, не создавших своей семьи. Так, уже в период 1878-1887 гг. в казачьем населении Пресногорьковской линии (Акмолинская обл.) число женщин всех возрастов, состоявших в браке, сократилось с 54,9 до 47,6%, а мужчин, соответственно, с 56,0 до 49,1%¹⁰⁹.

Деревенский сход и община к вышеуказанным явлениям относились отрицательно и всячески пытались с ними бороться, «не вынося сор из избы». Мирская сходка в составе схода «фракции» пожилых и наиболее авторитетных домохозяев — «стариков» вместе с выборными начальниками осуществляли разбирательство на сходах мелких гражданских. «Суд стариков» обычно старался примирить обидчиков и обиженных. Если же этого не удавалось сделать, то сход в большинстве случаев отправлял дело для формального окончательного решения в волостной суд или принимал собственные меры «воспитания» и наказания: штрафовал или срамил виновных, вода по улицам распутных девиц в дурацком колпаке, применяли розги.

Видный сибирский этнограф Г. С. Виноградов констатировал в 1914 г.: «Усложнившиеся жизненные условия, близкое соприкосновение города с деревней, приток новых веяний — все это постепенно разрушало и продолжает разрушать былой патриархальный уклад, меняло и все еще продолжает менять духовную физиономию деревни»¹¹⁰. Под влиянием закреплявшего свое господство капитализма, связанных с ним процессов социальной подвижности, личностной эмансипации, приобщения к некоторым культурным ценностям «большого» мира часть сельской молодежи становилась в критическую позицию по отношению к устаревшим нормам.

---

¹⁰⁹ Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. С. 46

¹¹⁰ Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 212

Революционные события стали следствием разложения традиционных патриархальных отношений в обществе. С одной стороны, родители, выступающие транслятором традиционного уклада, несомненно, влияли и на сельскую молодежь, которая частично перенимала сложившийся испокон веков образ жизни. Особенно тщательно оберегался и сохранялся такой уклад среди старообрядцев. Но с другой стороны, именно молодежь была восприимчива к новациям советской власти.

После революции перед новой властью встала скорейшая задача по проведению оптимально соответствующей провозглашенной идеологии семейной политики. Советская власть декретом «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния» 1917 г. утвердила единую процедуру гражданской, светской регистрации брака, отменив церковную регистрацию, бытовавшую до революции в качестве единственной легитимной и легальной. Было узаконено формальное равенство женщин и мужчин во всех сферах жизни, в доступе к работе, образованию, социальным услугам и благам. Россия была не только одной из первых стран мира, провозгласившей равенство полов, но и первой страной, в которой начала проводиться направленная социальная политика по созданию условий для реализации равных прав и равных возможностей для женщин. Благодаря этому в СССР на практике была создана одна из первых эмансипаторских в отношении женщин и детей систем социального обеспечения. Постановление Наркомата здравоохранения и Наркомата юстиции 1920 г., разрешавшее искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях, было первой в европейской истории практикой легализации абортов¹¹¹.

Целью рассмотренного комплекса законодательных мер являлось, в первую очередь, «освобождение» женщины от семейного гнета и включение ее в экономическую жизнь общества. Но само по себе освобождение было лишь средством достижения куда более масштабной цели – разложения

---

¹¹¹ Чернова Ж. В. Советская семейная политика// Colta. URL: https://ru.boell.org/sites/default/files/uploads/2016/11/zhanna_chernova._sovetskaya_semeynaya_politika.pdf (Дата обращения: 1.03.2018)

патриархального строя семьи, а через семью и всего общества. Только изжив пережитки старого строя в виде патриархальной семьи, зависимости женщины и ребенка от мужчины, ограничения деятельности женщины «горшками и пеленками», можно было построить общество равенства и справедливости. Идея советского государства, на тот период проводившего семейную политику, заключалась в том, что приоритетом является общественное воспитание. Что государство становится и выступает самым главным и лучшим родителем. И поэтому не важно, состоят ли родители в браке, выполняют ли они в полной мере свои функции. Декларировалось представление о том, что советские дети — это дети вот этого нового государства и, собственно, никто лучше государства их и не воспитает. Это период, когда большое внимание уделялось выстраиванию этой инфраструктуры заботы о детях. Государство не рассматривало мужчин с точки зрения их семейных и отцовских функций. Они его интересовали в первую очередь как строители социализма, как защитники Отечества.

Но консервативно настроенная деревня сложнее поддавалась новым реалиям, проводимым государством. Здесь и неодобрение холостых мужчин и девиц, и порицание разводов, и предпочтение церковному браку, а не светскому, и уважение к семье с большим числом детей. По-прежнему семья являлась единственно возможной формой полнокровного функционирования крестьянского хозяйства и, по сути, была своеобразной хозяйственной сделкой, в основе которого лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет. Сельскохозяйственное производство держалось в первую очередь на физической силе семейного коллектива, поэтому исключало самостоятельное значение женщины. Только совместным трудом супруги могли вести полноценное хозяйство. Оно могло нормально функционировать лишь при наличии в нем и мужских, и женских рук, а также лиц старших и младших возрастов, так как базировалось на возрастном-половом разделении труда.

Однако, женщина юридически стала равной мужчине. Крестьяне-мужчины относились к этому сдержанно. В их письмах по этому поводу можно

заметить следующую тенденцию: если брать женщин в целом, то они выступали за их равноправие, видя в этом чуть ли не залог построения социализма. Но это равноправие не должно было распространяться на его собственную жену, так как при этом нарушались его собственные права.

Заключение брака являлось решением не столько молодых, сколько их родителей. Свобода выбора была еще ограничена. Продолжали существовать насильственные браки. Крестьяне эту тему обсуждали в прессе, спрашивая, может ли сельсовет их предотвратить и каким образом. В тоже время, женщины стали более активно сопротивляться данной традиции.

Идеи нового общества пришлись по душе сельской молодежи. К 1926 г. люди в возрасте до 25 лет составляли 62,1% сельского населения¹¹². Растущая грамотность молодежи способствовало отчуждению от деревни¹¹³. Известный поэт А.Т. Твардовский замечал, что сельская молодежь «не только не чуралась города», но и тяготела к нему¹¹⁴. Согласно исследованиям профессора Н.А. Рыбникова, в 1927 г., лишь 14,1% школьников высказали предпочтение сельскохозяйственному труду, тогда как умственному – 52,6% опрошенных. Это свидетельствовало о стремлении молодого поколения к утверждению в новом профессиональном статусе, соответствующему времени и прогрессу¹¹⁵.

Тоже самое было свойственно и сибирской деревне. Комсомольские организации в отчётах отмечали, что многие молодые сельчане, особенно бедные, стремились «найти работу и устроиться за счет государства». Из 80 опрошенных школьников села Тасеево Красноярского округа лишь 5 ответило, что хотело бы стать крестьянами¹¹⁶. Миграционное настроение воспринималось крайне безболезненно молодежью, чего нельзя было сказать о старшем поколении.

---

¹¹² Всесоюзная перепись населения. Т. 6. М., 1926. С. 104-105

¹¹³ Топоров А.М. Крестьяне о писателях. Белгород: КОНСТАНТА, 2015.

¹¹⁴ Твардовский А.Т. Поэзия Михаила Исаковского. М., 1986. С. 9-13

¹¹⁵ Рыбников Н. Деревенский школьник и его идеалы: Очерки по психологии школьного возраста. М., 1916. С. 109

¹¹⁶ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 122

Но, если обратиться к истокам, то первопричиной рьяному желанию покинуть деревню среди молодежи способствовала установка родителей привить трудолюбие с малых лет. Поэтому уже с детства дети представляли тяжкую ношу немеханизированного труда крестьянина. Время революции поставило под вопрос авторитет взрослых, дав возможность усомниться молодежи в перспективе провести всю жизнь, обрабатывая землю, как того хотели родители. Новая власть же не чинила препятствий сложившемуся своеобразному молодежному нигилизму, а, наоборот, старалась использовать ее. Позднее И.В. Сталин подчеркнет данную мысль в своем выступлении: «Среди крестьян имеется немало стариков, отягощенных старым грузом... Не то наша молодежь. Она свободна от старого груза, и она легче всего усваивает ленинские заветы. Именно поэтому она призвана вести вперед отсталых и колеблющихся»¹¹⁷.

Таким образом, пониженное внимание имперской власти к обостряющемуся семейному кризису в рамках традиционной семьи стало одной из главнейших предтеч революций 1905-1907 гг. и 1917 г. Вовремя сделанные выводы, позволили большевикам после прихода к власти, закрепить данные тенденции в семейном законодательстве 1918 г., загасив тем самым «бабий» и «детский» бунты. Делегирование абсолютно одинаковых прав обоим полам, более четкое законодательное обособление совершеннолетних детей от родителей позволило укрепить семью, ускорив тем самым восстановление общества после всех политических потрясений. Появилась возможность для восхождения по социальной лестнице молодежи, желающей утвердиться в новом профессионально-трудовом статусе, так как на замену религиозным ценностям пришли тяга к образованию и интеллектуальному труду, что в кратчайшие сроки позволило вывести страну на более высокий уровень развития.

Казалось бы, такой радикализм, подходивший столь естественно к подъему общих революционных настроений, не был, тем не менее, подготовлен

---

¹¹⁷ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 420

историческим развитием. Подавляющее большинство тогдашнего населения страны оставалось сельским, крестьянским, ни экономические, ни демографические условия его жизни не изменились еще настолько, чтобы поставить под сомнение ценности традиционного брака. Ранне-советский брачно-семейный авангардизм оказался преждевременным, он просуществовал некоторое время, а затем маятник законодательства и практики качнулся в противоположную сторону.

1.4. «Мы» или «они»?

Вплоть до начала XX столетия крестьянская община играла в жизни крестьянского сословия одну из ключевых ролей. Крестьяне проживали в рамках общины, действовали в её интересах, руководствовались не только своими, но и общими целями и потребностями, что во многом и определяло в дальнейшем темп, стимул выполнить работу хорошо и другие аспекты рабочей деятельности крестьянина. На миру решались вопросы о регулировании распорядка земельных работ, определении размеров, выполняемых каждым крестьянином повинностей, контроле над своевременностью и точностью уплаты податей, стимулировании и поощрении соблюдения морально-нравственных обязанностей – кормить голодного и давать кров сирым, исполнении приговора общества относительно способности или неспособности конкретных работников к ведению их собственного хозяйства, обеспечении продажи крестьянского имущества. Сельские общины принимали меры против окончательного разорения бедных крестьянских семей: «чуть только начинала накапливаться недоимка за домохозяином, мир уже следил за тем, чтобы недоимщик не продавал скот, не отчуждал на сторону навоза, хозяйственных орудий, хлеба на корню и прочее»¹¹⁸.

Многочисленны подтверждения существования взаимопомощи между крестьянами: «...бесприютный сирота, вплоть до совершеннолетия, получает от каждого домохозяина на несколько дней в году более или менее продолжительное, сообразно платежным силам двора, помещение в этом дворе,

---

¹¹⁸ Сборник материалов для изучения общины, 1880, с. 25

пищу и одежду; погоревшему домохозяину выставляются подводы для перевозки леса на постройку избы; в случае тяжелой болезни домохозяина общество убирает его урожай»¹¹⁹.

При этом управление в общине и принуждение человека социумом основывались на осознанном и добровольном принятии и подчинении как необходимое условие выживания в трудных условиях деревенской жизни. Община налагала на крестьян строгие требования и обязанности, но она, одновременно, и помогала крестьянам. Только всем миром крестьяне могли посеять и собрать хлеб, обеспечить себя необходимыми средствами существования. Наиболее тяжелые работы выполнялись сообща, так как в условиях сурового северного климата не могло быть иначе. Этим объясняется устойчивое желание крестьян жить в общине. Все крестьяне беспрекословно подчинялись решениям схода или совета стариков: если решено было начать пахоту с 24 апреля, то раньше этого срока никто на пашню не выезжал.

Согласно сложившейся традиции, сибирская община не выполняла столь патриархальной функции по отношению к крестьянину, как это было в европейской части страны. Данное явление было связано с особенностями землепользования в сибирской деревне. Верховная собственность на землю принадлежала государству, крестьяне выступали в качестве арендонанIMATEЛЕЙ. Община являлась юридическим лицом с правом владения землей, принадлежащей ее членам¹²⁰. Но на практике крестьяне часто присваивали себе земли без распоряжения государственных структур¹²¹. Они могли ее продать, сдать в аренду или завещать по наследству. Но все же главным критерием владения землей оставался принцип использования ее как объекта трудовой деятельности. Если бывший землевладелец не обрабатывал

---

¹¹⁹ Сборник материалов для изучения общины. 1880, с. 27

¹²⁰ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. С. 38

¹²¹ Чудновский С. Л. Енисейская губерния: к трехсотлетнему юбилею Сибири: (статистико-публицистические этюды)// Электронная Библиотека ELIB.TOMSK.RU, 2008. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-643/> (дата обращения: 25.02.2018)

свою землю, но это делал кто-то другой за него, то согласно трудовой морали сословия, земля должна была перейти в руки того, кто о ней заботился.

К концу XIX в. в связи с усилившимся притоком переселенцев община была вынуждена отступить только от административных функций по сбору налогов и приступить к уравнивательной функции. Уравнение преследовало цель обеспечить право каждого на землю как на условие труда. Но за нерадивое исполнение своих обязанностей надел могли отобрать. Разверстку наделов община производила, исходя из производственных возможностей хозяйства, учитывая инвентарь, возраст и здоровье крестьянина.

Таким образом, крестьянская община являлась исторически необходимой формой существования крестьян, условием их жизни. Она не закабаляла человека, не принижала его, напротив, обеспечивала его реализацию как труженика. Иных способов выживать, трудиться, развиваться в то время не было.

Локомотивом перестройки сельского хозяйства стало кооперативное движение, несмотря на ставку государства с его столыпинской реформой¹²². В ходе реформы наметились признаки дезорганизации общинной жизни в Сибири. Согласно законодательству, вводилась частная собственность главы семьи, но одновременно каждый домохозяин имел право выхода из общины, а члены его семьи могли получить паспорт, не спрашивая согласия главы семьи. В результате обострились конфликтные ситуации. Ослабление общинных связей и имущественная дифференциация в деревне привели к росту хулиганства. Тем не менее в большинстве сибирских деревень крестьянская община оставалась достаточно крепкой и способной оказать влияние на поведение своих членов.

К 1914 г. в Енисейской губернии насчитывалось 249 кооперативных обществ¹²³. Наиболее популярными из них стали кредитные кооперативы. Их

---

¹²² Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С 94

¹²³ Фёдорова В.И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск, 2016. С. 57-58

члены имели льготы при покупке техники со складов. Потребительские кооперативы объединяли крестьян для совместного сбыта своей продукции и закупки промышленных товаров.

Во время Гражданской войны крестьянская община продолжала функционировать как орган крестьянского самоуправления. После восстановления в Сибири советской власти положение изменилось. В начале 1920 г. на селе были образованы ревкомы как органы чрезвычайного государственного управления. С апреля того же года они стали заменяться сельсоветами. Но в данном случае речь шла не о передаче власти в деревне в руки ее жителей, а о смене вывески. Выборы в советы носили формальный характер и сводились к голосованию за выдвинутых местной парт ячейкой кандидатов. Ситуация изменилась лишь в 1925 г., когда власть санкционировала проведение относительно демократичных выборов в сельсоветы. В связи с этим они постепенно превращались в органы реального местного самоуправления, приняв на себя большую часть функций традиционной крестьянской общины.

Формально из ведения сельсоветов исключалось регулирование земельных отношений, которые в 1922 г. были юридически закреплены за общиной, получившей статус земельного общества. Последнее осуществляло руководство землепользованием своих членов, решало вопросы землеустройства, севооборота, производило переделы и наделение землей, распоряжалось угодьями общего пользования, осуществляло контроль над использованием земли. Высшим распорядительным органом земельного общества являлось общее собрание. На практике жесткого разграничения между решением земельных и иных вопросов местного самоуправления не существовало¹²⁴.

К концу 1920-х гг. начался новый этап борьбы с крестьянским самоуправлением. Выборы полностью утратили демократизм, а сельсоветы

---

¹²⁴ Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы// Российская история, 2012. № 1. С. 130–141

вновь превратились в инструмент осуществления всевозможных чрезвычайных (прежде всего хлебозаготовительных) кампаний. Тогда же земельные общества в ходе борьбы за их «превращение в опорные пункты социалистического преобразования деревни» потеряли возможность регулировать земельные отношения. Были значительно затруднены возможности крестьянского мира, опираясь на обычное право, воздействовать на семейные и нравственные отношения односельчан.

Показательно, что к середине 1929 г. с огромными усилиями в колхозы новая власть смогла вовлечь только 4,5% крестьянских дворов, причем более половины их были представители бедноты¹²⁵. Возможность сладкой жизни и того «Беловодья», что обещало государство, не влекли крестьянина мигом вступать в колхозы.

Производственным формам кооперации крестьяне предпочитали бытовые – артели, помочи. Чтобы построить дом, крестьянин приглашал семью и соседей, те в свою очередь выступали не только рабочей силой, но и поставщиком строительных материалов. Наиболее распространенной формой взаимопомощи как раз являлись «помочи» - выкорчевывание леса, работы на покосе¹²⁶. Детальную картину можно представить на основе исследований быта бухтарминских старообрядцев: «Состав помочан бывает разнообразный – едут все, кто умеет и может жать, от довольно пожилых людей до ребятишек. На помочах работают очень быстро, наперегонки, что считается необходимым. Если помочь устраивает вдова или бобылка, не имеющая возможности сама справиться с работой или нанять работников, то все приглашаемые считают долгом помочь ей»¹²⁷. Чаще всего, помочи устраивались в выходные дни и праздники, но необходимость отдачи долга общине в праздничный день не считалась грехом.

---

¹²⁵ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 80

¹²⁶ Мальцев Т.О. Земля полна загадок. Челябинск, 1969. С. 10

¹²⁷ Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 91-92

Власть старалась придать помочам более организованный вид, а также использовать в первую очередь для помощи бедноте. Вместо привычных для городской жизни субботников в деревне объявлялись «социалистические помочи». Привычное название формы труда взывала к долгу крестьянина оказать помощь нуждающемуся государству.

Вместо зыбкой надежды на создание «Беловодья» государством, крестьяне предпочитали строить и «приближать» светлое будущее собственными силами. В 1920 г. была создана коммуна «Майское утро»¹²⁸. На первых порах в нее вступило около двадцати пяти семей, которые без колебаний обобщили свое имущество за исключением одежды, обуви и мелких вещей личного пользования. Главным мотивом вступления в коммуны являлось желание выжить в голодные годы, чистый энтузиазм и общинное сознание. Сами коммуны строго вели отбор, зорко присматривались друг к другу, оценивали не только политические настроения, но и моральные качества людей. Во время процедуры приёма задавались такие вопросы: «От чистого ли сердца вступаешь в коммуны?»; «Будешь ли честно трудиться?»; «Согласен ли добровольно выполнять устав коммуны?».

Благая общая цель способствовала установлению добрососедских отношений внутри коммуны: никто не вешал замков на амбары и кладовые, никто не требовал контроля за работой других. Все трудились по совести.

До начала «кулацких восстаний» в коммуне царил порядок и процветание, но, захлестнувшая после, волна середняков, бедняков и батраков «Майское утро» тяжело отразилась на хозяйственном развитии объединения. Местные власти, вместо того чтобы разобраться с людьми, обрадовались такой «активности», отпуская указания принимать всех подряд и без исключения во все коммуны. К наличию уже существующих коммун стали прибавлять и новые, нередко «липовые». В руководстве таких обычно стояли случайные люди, которые спешили согнать на общий двор коров, овец, свиней, кур,

---

¹²⁸ Топоров А.М. История коммуны "Майское утро"// Сибирское Рериховское Общество. URL: <http://sibro.ru/letters/detail/48541> (дата обращения: 10.04.2018)

свозили сохи, бороны, плуги, телеги, сани и прочее имущество, несмотря на тотальную нехватку помещений и кормов. Руководство без должного опыта не вело учета, не стимулировало «пришельцев» к трудовой деятельности ради общего блага, да и сами участники предпочитали заботиться только о своей ноше. «Вбили себе в головы: раз имущество не моё, то и ничьё, пусть, мол, хоть всё сгинет. Стёрла кобыла холку – ничего, заживёт! Хомут валяется в грязи – там ему и место! Забыли съездить за кормом для скота – эка боль! Каждый боялся сделать больше других. Пошлют мужика на пахоту, а он огрехи оставляет чуть ли не в сажень шириной. Дадут бабе огуречные семена, а она, чтобы отделаться поскорей, загонит их в десяток лунок – и домой»¹²⁹. Засилье случайными людьми, оказавшихся в коммуне только ради собственной выгоды, пагубно отражалось и на мотивации честных тружеников.

С послаблением призыва принимать в коммуны всех подряд, власть, наоборот, дозволила выгнать всех неугодных. «Завязалась великая тяжба при разделе имущества». После такого лихолетья коммун в Сибири осталось не так много, выходцы из них предпочитали затаить злобу на коммунаров, виня их в хищениях. Но «Майское утро» смогло устоять и даже успешно развиваться.

На сельскохозяйственной выставке 1925 г. были впервые представлены достижения коммуны. Коммунары построили завод для выработки конопляного и подсолнечного масла. Потом взялись за введение в севооборот мака. Многие посмеивались над «чудаками», но когда взошел урожай, то на коммуну взглянули иначе, в народе зазвучали мнения, что «в «Майское утро» – хоть сейчас».

Внутри коммуны, помимо сельскохозяйственной деятельности, крестьяне успевали еще и учиться, поэтому нередко в своем хозяйстве апробировали новые агрикультурные методы, разведение новых культур. Так успешно завершился эксперимент по выращиванию арбузов.

---

¹²⁹ Топоров А.М. История коммуны "Майское утро"// Сибирское Рериховское Общество. URL: <http://sibro.ru/letters/detail/48541> (дата обращения: 10.04.2018)

Многие благие новшества пошли в округе именно от «майских». Они старались действовать по науке, приглашали агрономов, ветеринаров, зоотехников, да и сами ездили на курсы, много читали. Изучив книги по молочному животноводству, постановили расстаться с низкорослыми «тасанками», дававшими мизерные удои. Одна коммуна продавала сливочного масла государству больше, чем 14 сёл-единоличников. Молочное животноводство было самой доходной отраслью хозяйства коммуны.

Уже во второй половине 1920-х годов коммуна имела свои заводы – кирпичный, маслобойный, маслодельный, завела мастерские – механическую, токарную, слесарную, сапожную, портняжную, построила водяную мельницу. В оборот были введены новейшие по тому времени машины – молотилки, сеялки, лобогрейки, веялки, двуконные плуги «Оливер» с сиденьем, которые избавляли пахаря от первобытного шагания по борозде. А в 1925 году прибыл в «Майское утро» и первый трактор – тридцатисильный «Интернационал».

Начавшаяся сплошная коллективизация не оставила возможности для существования коммуны, но бывшие коммунары охотно делились опытом и применяли его уже в колхозе.

С коллективизацией завершилось и существование крестьянской общины. Земельные общества упразднились. Сельсоветы окончательно теряли функции самоуправления. Применение норм обычного права в межкрестьянских отношениях стало жестко преследоваться. Примечательно, что, вступая в колхозы, крестьяне учитывали опыт работы на помочах или в супрягах, а также традиции больших неразделенных семей. Таким образом, и после формальной ликвидации крестьянских общин в среде уже крестьянства колхозного еще долго сохранялись общинные традиции. Они реализовались в различных формах взаимопомощи, помогли сельским жителям выжить в самые трудные предвоенные, военные и послевоенные годы.

Подводя итог всей главы, нужно сказать, что за тридцатилетний период крестьяне перестали быть последним сословием в социальной иерархии и стали

опорой новой власти. Но сам этот период принес куда более глубокие перемены для всего крестьянства.

Незавершенность аграрной реформы Столыпина стало камнем, брошенным в витрину крестьянства. Относительная однородность крестьянского сословия была нарушена вследствие строительства железной дороги и массового притока бедняков в годы аграрной реформы. Капиталистические порядки изменили привычный уклад деревни. Средняки, бывшие в 1890-е года среди зажиточных, стали беднеть и терять свой экономический вес в сельской иерархии. Беднота, напротив, отвернулась от идеи обогащения, предпочитая довольствоваться своим положением и работать по найму. К 1917 году крестьянство подошло расколотым. Реформы, проводимые советской властью, основывались на традициях трудовой этики крестьянства. Власть поставила труд во главу угла, сделав главную ценность крестьянского мира общим достоянием и, по сути, главной идеологией в новом государстве. Это отвечало многовековой трудовой морали деревни, и потому даже после великих потрясений труд для крестьян оставался основным мерилom нравственности. Но поддержанию оптимистичных настроений мешали импульсивный скачок по насаждению коллективных, которые остужали у крестьян личный интерес, как это было в годы НЭПа, а формирование нового типа крестьянского сознания, котором общественное бы доминировало над частным шло очень болезненно.

С проникновением капитализма в деревню стала разрушаться патриархальная семья: увеличилось количество разделов, повсеместно замечали падение нравственности и рождаемости. Царская власть предпочитала не реагировать на кризисные явления, так как игнорировала азы трудовой этики сословия. Советская власть, пропагандирующая на первых порах демократические свободы, предпочитала делать тоже самое и в семейной политике. Но деревня была менее восприимчива к модернистским веяниям, пытаясь продолжать жить патриархальной семьей, иначе выжить было бы просто невозможно.

Несмотря на происходящие изменения в обществе, общинная ментальность крестьян продолжала оставаться стабильной и, по сути, являлась спасательным кругом в самые тяжелые времена. Община имела право распоряжаться собственностью крестьян при необходимости, что явно противоречило основным идеям большевиков, и потому те предпочли ее задавить, но при этом используя коллективное сознание крестьян. Общинное самосознание нашло новую форму своего выражения – в коммунах. Те, кто в коммуны не вступали, продолжали прибегать к формам бывших общинных взаимоотношений – помочи, супруги. Крестьяне до сих пор продолжали считать это своим долгом, а не просто способом наживы или навязанной обязанностью.

Перед советской властью стояла задача обуздать присущее сибирскому крестьянину стремление к хозяйственному индивидуализму. Такая политика объективно отвечала историческим вызовам эпохи модернизации. Если бы крестьянин продолжал вести единоличное хозяйство, подверженное высоким экономическим и природным рискам, то решить общенациональные задачи для всего государства было бы невозможно. Решить проблему объективизации крестьянства в отношениях человек-государство, сделать из деревенского сословия эффективный ресурс власти, партия пыталась реализовать несколькими путями: путем замещения идеологом религиозного мироустроительного характера на идеи общества всеобщего благоденствия; замещения общественных институтов, сохранявших главный принцип их комплектования кадрами из самого же крестьянского сословия; путем внедрения прямой промышленной модернизации, выразившейся в социалистических соревнованиях, субботниках, общественных лекциях, предложении новых форм и способов по обработке земли.

Создав условия для развития крестьянского хозяйства, большевикам удалось сохранить трудовую мотивацию у сибирского крестьянства, придать ей новый стимул. Крестьянство, с большими потерями пройдя через коллективизацию, всё же приняло колхозный строй, поскольку он

соответствовал многовековым коллективистским традициям сибирской деревни.

Глава 2. Между верой и безверием

2.1. Кризис религиозного мировоззрения

В системе традиционного сознания ведущим, структурообразующим элементом, несомненно, являлось религиозное мировоззрение. Будучи основным базисом всей крестьянской «картины мира», оно в решающей степени определяло все другие аспекты народных воззрений: этические, социальные, политические взгляды крестьянства.

Начиная со второй половины XIX века, православная церковь в Российской империи переживала серьезный кризис, который были вынуждены признавать даже такие убеждённые сторонники монархизма, как Л.А. Тихомиров¹³⁰. Духовенство замкнулось в рамках своего сообщества, отдалившись от паствы. Благодаря высокому имущественному разрыву, проблемы рядового верующего не были чем-то по-настоящему актуальным для высших иерархов, а низовые же священнослужители были настолько заняты мирскими делами, что на духовный поиск порой не оставалось ни рвения, ни времени. В своих письмах Платон Левшин, православный деревенский священник, рассказывал о тяжкой участи крестьянского труда и подмечал, что священники в деревнях, по его мнению, жили, как крестьяне¹³¹.

Большинство исследователей склонно считать, что подобное кризисное состояние организации, не что иное, как следствие синодальной реформы, проведённой Петром I. Доминирующая роль светской власти, в том числе и в вопросах богословия, оставляла минимальный простор для полноценного религиозного диспута. Вследствие этого именно в середине XIX века можно наблюдать расцвет чёрного духовенства. Сложно говорить о том, была ли тогдашняя популярность монашеского и отшельничьего образа жизни своеобразной формой протеста против фактического становления высших православных иерархов на один уровень с государственными служащими,

---

¹³⁰ Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении// Электронная Библиотека «Научное Наследие России». URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10078500> (дата обращения: 12.11.2017)

¹³¹ Письма митрополита Платона к высочайшим особам// Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin/pisma-mitropolita-platona-k-vysochajshim-osobam/ (дата обращения: 30.05.2018)

однако многие богословы именно эту популярность считают признаком начала духовного перерождения церкви.

Тем не менее, всё больше прихожан от года к году демонстрировали умеренное безразличие в отношении вопросов духовного поиска. А.И. Потылицын называет первопричиной нарастающего религиозного нигилизма экономические факторы¹³², П.Н. Зырянов видит их в нарастании политической поляризации, А.П. Прохоров и М.М. Персиц утверждают, что религиозный кризис – следствие кризиса вертикальной системы социальных связей. Так или иначе, все исследователи сходятся в одном. Недоверие к церкви выразилось в первую очередь как к общественному институту. Даже на уровне паствы эта организация в первую очередь воспринималась, как проводник светских интересов, неспособный в силу своей политической несамостоятельности разрешить насущные проблемы людей.

В Российской империи на начало XIX века иноверцев насчитывалось свыше пятнадцати процентов от всего населения страны. На конец 1890 года эта цифра увеличилась вдвое. Ко всему прочему даже от адептов традиционного православия в большом количестве начали поступать прошения о переходе в иные христианские конфессии. Старообрядческий раскол, который, по словам современников, был «затяжной болезнью русской церкви», так же не терял актуальности ввиду усиления экономического положения крестьянских хозяйств под управлением старообрядческих общин. Консисторское управление приходской жизнью, установленное ещё в середине XIX века, так же показало свою несостоятельность и требовало кардинальных реформ.

На фоне всех этих проблем принимаемые Синодом решения в отношении увеличения веротерпимости выглядели очевидным следствием политической несостоятельности церкви. С точки зрения внутренней политики Российской империи, направленной на удержание проблемных территорий и сглаживание

---

¹³² Потылицын А.И. Архангельские рабочие и крестьяне в борьбе против царизма, помещиков и капиталистов за советскую власть. Архангельск, 1952.

культурных противоречий между различными этносами внутри страны, подобные решения вполне логичны, представители же паствы, видя, сколь слаба привычная им религиозная традиция, всё чаще отказывались осуществлять диалог с Богом через белое духовенство.

Этот конфликт нашёл отражение и в трудах Л.Н. Толстого, который в своих письмах иллюстрировал своё отношение к сложившейся ситуации устами сибирского крестьянина Бондарева Тимофея Михайловича: «Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских и ни в каких писаниях хлебный труд и трудящийся в нем не одобряются, а донельзя унижаются?»¹³³.

Несмотря на кризис православной церкви, народ не отворачивался от идеи Бога, как верховного судьи. В его образе искали понимание справедливости, поскольку именно справедливость являлась высшим благом в рамках этики крестьянской общины.

Если взглянуть на роль церкви в жизни крестьянина с социально-экономической позиции, должно признать, что эта роль и заключается в сглаживании противоречия в отношении человека к имуществу и труду. В нахождении компромисса между собственной бедностью и чужим богатством. Как бы цинично это не прозвучало, но история всех религий свидетельствует в первую очередь именно об этом. В XIX же веке Русская Православная Церковь с этой ролью перестала справляться. Вместо того, чтобы стать полноценным посредником во взаимодействии интересов разных сословий, способным говорить, как на языке дворянина, так и на языке крестьянина, организация погрязла во внутренних проблемах, сама, переживая тот же раскол, что и общество в целом. Монашество не находило общего языка с Синодом, низовое священство прозябало в нищете, пока епископат кичился роскошью, высшие

---

¹³³ Бондарев Т.М. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца// Познавая с удовольствием, 2008. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_56.htm (дата обращения: 10.12.2017)

иерархи погрязли во внутривосполитических распрях в попытках продвинуться по службе, а богословский диспут ушёл на уровень светской проблематики, что авторитета церкви никак не добавляло.

На рубеже эпох религиозный нигилизм достигает своего пика. Ярким примером тому послужит рассказ Н.И. Наумова со слов сибирского крестьянина о вопиющем случае, где старик-крестьянин не только покусился украсть чашу с подаяниями прихожан, но и убил при этом двух служителей церкви¹³⁴. Повсеместно можно было встретить отказ крестьян посещать тот или иной приход, если клир нарушал нравственные нормы, предписанные священнослужителям.

Парадокс православной церкви заключается в том, что, в качестве прообраза царства Христова, она владеет всем миром, но не должна владеть ничем мирским. Отступление от этого принципа во многом послужило причиной трагичных репрессий в отношении духовенства, последовавших после революции 1917-го года. В XX веке религиозный нигилизм, ставший первой восточкой глобального духовного кризиса Российской Империи, достиг своего окончательного пика.

Крестьянство остро воспринимало расхождение между христианской моралью, проповедуемой церковью, и стяжательской практикой церковнослужителей. Активный протест вызывало монастырское землевладение, которое, по мнению крестьян, противоречило её духовной миссии, с одной стороны, и ущемляло интересы крестьян – с другой. Общий фонд монастырских земель только в 50 губерниях Европейской России к 1905 г. составлял 730,8 тыс. десятин земли, в том числе 172,2 тыс. десятин пахотной¹³⁵. Неслучайно поэтому население поддержало конфискацию церковно-монастырских земель. Крестьянский съезд Красноярского уезда в своей резолюции о земле, принятой 3 декабря 1917 г., приветствовал Декрет о земле в целом, отметив особо пункт о ликвидации монастырского землевладения. Но,

---

¹³⁴ Наумов Н.И. В забытом краю : Рассказы из быта сибирских крестьян. Санкт-Петербург : Попов и Тыртов, 1882. С. 26

¹³⁵ Глаголев А. Возрождение церковного хозяйства в России // Вопросы экономики. 1994. № 9. С.114

как отмечает А.П. Дворецкая, радостно встреченный декрет породил дискуссию в обществе о правомерности лишения религиозных организаций права юридического лица¹³⁶. На защиту интересов православной церкви встало духовенство и поддержавшая его паства. Миряне были настроены так решительно, что даже имелись случаи, когда толпа отгоняла представителей советской власти от церковных учреждений.

Помимо прочего, нельзя не учитывать, что усиление антиклерикальных настроений среди сельского населения в немалой степени имело ситуативный характер, являлось реакцией на те или иные действия священнослужителей, вызывавшие негативную реакцию населения. В августе – сентябре 1919 г. православным епархиальным комитетом в поддержку правительства Колчака проводились молебствия о даровании победы Белой армии. Было опубликовано воззвание епископа Красноярского и Енисейского Назария к пастве с призывом к церковному покаянию и проведению крестных ходов и всенародного моления о даровании победы колчаковским войскам. Оправдание церковнослужителями колчаковской диктатуры, против которой было настроено большинство крестьянства, очень сильно ударило по авторитету церкви. В результате православная церковь частично лишилась имиджа объединяющей силы и утратила моральное право выступать от имени всего народа.

Кризисный процесс затронул рядовое духовенство и разлагающе действовал на паству. Порой крестьяне руководствовались и соображениями вовсе утилитарного характера – нежеланием тратиться на содержание церкви в условиях падения уровня жизни сельского населения. Но чаще встречались примеры наоборот. Например, крестьяне с. Кемского Енисейского уезда в конце 1922 г. на общем собрании постановили с каждого члена сельской общины от 10 до 60 лет собрать в пользу церкви одновременно восемь фунтов хлеба, купить церковно-приходской дом и для отопления его подвозить ежемесячно 40 сажень дров. При этом размер затрат на церковные нужды

---

¹³⁶ Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. С. 38

превышал расходы на содержание советских учреждений и выполнение продразверстки. Типичен случай, когда жители д. Прокопьевки Амонашенской волости Канского уезда выстроили в 1922 г. церковь и приходской дом, нашли священника, но отказались содержать учителя, мотивируя это отсутствием средств¹³⁷.

О противоречивых процессах в религиозном крестьянском сознании в условиях революционных потрясений свидетельствуют мемуары лидера сибирских партизан В.Г. Яковенко: «В это время можно было наблюдать такие сценки: приехавшего с агитационными целями заведующего политотделом население настойчиво просит выполнить тот или иной обряд. Бывало так, что никакие убеждения на крестьян не действовали, и тогда он тут же облачался в рясу и исполнял просимую потребу»¹³⁸. Это свидетельствовало о ритуальном характере религиозного мировоззрения. При этом, как сообщал мемуарист, в районе действия партизан после восстановления советской власти по требованию местного населения были закрыты все церкви.

Противоречивое отношение вызывали и религиозные праздники. Они воспринимались в подавляющей массе населением как выходные дни. В этот период дети не посещали учебные заведения, различного рода светские мероприятия. Многие партийцы на это время отказывались от партийной работы.

В целом эволюция массового религиозного сознания в 1920-е годы была весьма неоднозначной. Немалая часть сельского населения оставалась верующей. По оценкам А.В. Луначарского данный показатель достигал 80%¹³⁹. Определённая возрастная дифференциация уровня религиозности прослеживается по сведениям С.Г. Струмилина. В возрасте старше 40 лет религиозные обряды совершали 100% и мужчин и женщин, когда как до 25 лет

---

¹³⁷ Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. С. 43-44

¹³⁸ Яковенко В.Г. Записки партизана. Красноярск, 1966. С. 106

¹³⁹ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 26

выполнять обряды стремились только 62,6% мужчин и 71,5% женщин¹⁴⁰. Данная статистика свидетельствует о том, что больше всего влиянию новой идеологии поддавалось молодое поколение. Подтверждением тому служит и анкетирование среди призывников в 1924 г., где 61% опрошенных считали «религию правильной». В 1929 г. среди сибирских школьников было проведено анкетирование, которое выявило, что 50% школьников «заражено мистицизмом, верой в чертовщину»¹⁴¹. В свою очередь, анкетирование школьников Минусинского округа, проведённое в том же году, выявило среди них 73% «неверующих».

Особенно ярко деструктивное отношение к церкви проявлялось у молодёжи. Нередко это принимало агрессивно циничные формы. Так в 1925 г. в Заозерном Канского округа комсомольцы явились в церковь к пасхальной заутрене с двумя балалайками и осквернили иконы, оплевав их, потушили свечи и разогнали верующих¹⁴². Иногда молодёжь приходила в церковь и во время богослужения начинала петь революционные песни, срывала иконы. Такие действия обостряли отношения старшего и младшего поколения. Во властных кругах такое поведение порицалось для виду, но никаких противодействующих мер не принималось.

Таким образом, революционные события 1917 г. только ускорили кризис традиционной религиозности, явившейся итогом общего глубокого кризиса всех институтов традиционного общества. Противоречия между христианскими идеалами и социальными реалиями, копившиеся веками, создали почву для своеобразного религиозного нигилизма. Однако этот нигилизм не привел к атеизму – новой форме мировоззрения, основанной на рационально-научном знании, чуждом всякой мифологии, в том числе социальной. В этом смысле нельзя согласиться с известным философом Розановым, утверждавшим, что «переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у

---

¹⁴⁰ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 125

¹⁴¹ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 28

¹⁴² Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. С. 53

солдат до того легко, точно «в баню сходили»¹⁴³. В том то и дело, что девальвация старой веры не вела к безверию. Она требовала новой веры, и этой верой стал социализм как образ «Нового неба и Новой земли», царства справедливости и любви к человеку – идеалом, провозглашенным христианским Евангелием.

2.2. На пути к новой вере

Кризис традиционной религиозности породил своеобразный мировоззренческий вакуум, который новая власть спешила заполнить идеологией научного социализма. Её теория, действительно, опиралась на материалистическое мировоззрение, отрицавшего религию как форму архаического мировоззрения, противостоящее науке. Однако материализм большевиков носил поверхностный вульгарный характер, что как следствие вело к упрощенному пониманию сложной природы социальных и духовных процессов. Революционерам казалось, что достаточно перестроить экономические и социальные институты, просветить массы, и старое религиозное сознание исчезнет само собой. Так заведующий Сибирским отделом народного образования Д. Чудинов был убежден: «С религией непосредственно бороться незачем. Она сама упадёт, как карточный домик. Нужно только широко распространить естественноисторические знания»¹⁴⁴.

Для решения этой задачи был мобилизован мощный пропагандистский аппарат. В деревнях организовывались лекции на научно-популярные темы, распространялась литература. Неискушенная деревенская публика с удовольствием внимала всему новому. Большим успехом стали пользоваться произведения Демьяна Бедного.

Формированию нового мировоззрения была призвана служить и новая советская обрядность, основанная на революционных ценностях и идеалах. Это «красные» крестины, свадьбы, похороны. Как видим, она фактически копировала церковную. Однако, недостаточно это объяснять только тем, что

---

¹⁴³ Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 395

¹⁴⁴ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001.

пропагандисты подстраивались под привычные для масс формы. Дело в том, что и смысловое содержание новых обрядов было пронизано христианской традицией. Не случайно само население называло большевистских пропагандистов красными попами.

В представлении самого пропагандиста марксистская теория причудливо переплеталась с христианской догматикой, в которой социализм ассоциировался с раем на земле, капитализм – с адом. Революция вполне отвечала апокалиптическим ожиданиям масс о справедливом возмездии за отступление от божественных заповедей. В формировавшемся в официальной идеологии культе жертв революционной борьбы с царизмом нельзя не видеть христианской традиции почитания мучеников за веру. Так создавался пантеон красных мучеников, канонизированных властью. Даже идея Ленинского мавзолея восходит к традиции захоронения мощей православных святых.

Пропагандисты социализма несли идеи социализма в массы как новое «Евангелие», основным посылом которого являлось построение общества, где осуществится заповедь «возлюби ближнего как самого себя». Но в то же время новая идеология категорически расходилась с догматами христианского всепрощения и смирения, провозглашая идею борьбы с врагами революции как святое дело. Можно сказать, что в большевизме воплотился заряд, мотивировавший личность на гражданскую активность и социальное творчество в противовес христианской пассивности. И в этом смысле большевизм имеет параллели с протестантством, в котором христианское начало было реформировано так, что оно стало знаменем борьбы за общество модерна. Если подходить к проблеме с этой точки зрения, то и богоборчество большевиков приобретает совершенно иной смысл. Оно видится как яростная борьба за правильную веру против неправильной. Эту особенность очень тонко подметил известный большевик и исследователь народных религиозных течений В.Г. Бонч-Бруевич. Он называл таких коммунистов «нововерами». «Деревенский нововер-коммунист – это, прежде всего, и главное всего –

вольнодумец и богоборец», - писал он¹⁴⁵. А если вспомнить какую фактуру нам дает история религиозных войн, как сторонники одной веры расправлялись с иноверцами (в том числе и РПЦ со староверами), то богоборчество большевиков приобретает в этом свете совершенно иной смысл. Думается пора уже отойти от примитивного шаблона в оценке «антирелигиозной» деятельности большевиков только как проявления атеистического террора против православной церкви. Это была религиозная война двух церквей – РПЦ и большевистской. И как не вспомнить здесь Н.А. Бердяева, называвшего революционную интеллигенцию церковным орденом, для которой научные и социальные идеи приобретали значения символа веры.

Небывалую в сравнении с остальным крестьянством стойкость в защите своих святынь проявили старообрядцы. К моменту завершения Гражданской войны местные старообрядцы видели от Советской власти символ добра (освобождение от «семеновщины» и интервентов, решение земельных вопросов и т.д.), чем неприятностей.

Как отмечает исследователь А.В. Пыжиков¹⁴⁶, само революционное настроение старообрядчества являлось прямым ответом на церковный раскол, произошедший еще в середине XVII века. Они принимали активное участие при организации революции 1905-1907 гг., не говоря уже о революции 1917 года. Причиной тому служила обоюдная ненависть к царскому режиму, безответственному Временному правительству. Слово «большевик» очень нравилось старообрядцам. В общинном укладе старообрядцев существовала должность-положение «большак», что означало старший в семье, в доме, в сельской и в церковной общинах. Большаки решали важные общинные вопросы. Особенно большаки почитались у беспоповцев, у которых они играли роль религиозных лидеров, вместо священников. В 1921 году старообрядцы подписали с советской властью «Акт о лояльности». Характерным примером

---

¹⁴⁵ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. С. 27

¹⁴⁶ Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М., 2013.

взаимодействия старообрядцев и революционеров может послужить судьба знаменитого большевика Бонч-Бруевича.

Однако по мере утверждения новой власти, активизации ее политики, в том числе антирелигиозной, отношение к большевикам начинает портиться. Прежде всего, новой власти вменялось в вину отрицание Бога, а значит – «склонение ко дьяволу».

В секретном отчете уполномоченного по Надеинской волости Верхнеудинского уезда за 1925 г. говорилось, что «влияние революционных тенденций оказало воздействие» на местных старообрядцев (в первую очередь – на бедноту), однако «зажиточные крестьяне являются столпом и хранителями церковных преданий, выразителями общественного мнения»¹⁴⁷. Головной убор красноармейцев стал ассоциироваться с «ликом звериным», а из пятиконечной звезды стало выводиться «дьявольское число 666». Многие уставщики признали Ленина «Антихристом»¹⁴⁸.

Власти стремились как минимум – поставить старообрядческие общины под свой контроль, а как максимум – изжить религию из повседневности граждан Советского государства. После завершения Гражданской войны власти приступили к регистрации старообрядческих обществ. Это привело к активизации старообрядческого населения, которое стало в разных формах активно выражать свое отрицательное отношение к политике государства. «Опечатывание часовни» воспринималось старообрядцами как порча сакрального здания, порча святыни, порча веры. Поэтому действия местных советских и партийных работников («антихристовых слуг») и вызвали такую бурную реакцию со стороны староверов.

Трудность поиска взаимопонимания состояла помимо прочего и в том, что у сторон было разное понимание «свободы совести», закрепленной в советском законодательстве. Старообрядцы стремились сохранить в

---

¹⁴⁷ Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири: традиционалистское сообщество под воздействием модернизационной политики (1918-1930-е годы)// Исторические записки. Вып. 15. М.: Наука, 2014. С. 295

¹⁴⁸ Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 34.

неприкосновенности «старую веру» (как залог спасения души и мира). Атеистическая же «антихристова» власть своим вмешательством могла привести к ее порче, а значит – поставить под вопрос спасение и «душ правоверных», и мира в целом. Это противоречие вело к неизбежным конфликтам. Так в селе Хонхолой в 1924 г. местные старообрядцы дали отпор комиссии, которая должна была закрыть и опечатать часовню¹⁴⁹. В итоге, опасаясь, что «разъяренная толпа» совершит «расправу самосудом», комиссия «под угрозой смерти» вынуждена была покинуть село. Вынужденное отступление властей продолжалось недолго. Используя угрозу потери старообрядческих храмов как основной инструмент давления на старообрядцев, они стали настойчиво подводить разные общины к необходимости регистрации. В 1926 г. началась относительно массовая регистрация старообрядческих обществ. То есть, подача исчерпывающих сведений о членах общины и ее руководителях означала дальнейшее автоматическое «поражение в правах» и приобретение статуса «лишенцев».

Таким образом, религиозность крестьянства как форма традиционного сознания проявила достаточную устойчивость в условиях перехода общества к модерну. Однако крестьянское сознание не оставалось неизменным. Под воздействием социальных факторов и новой светской идеологии оно постепенно секуляризировалось, сохраняя при этом главное ядро – гуманистические и социальные идеалы христианства, которые в целом совпадали с социальной природой советского общества. Эта коренная общность и привела к тому, что власть в годы Великой Отечественной войны обратилась к верующим не как к своим идеологическим противникам, а как к союзникам. Не случайно В.И. Сталин в своем обращении в 1941 г. к нации использовал христианскую форму: «Братья и сестры».

---

¹⁴⁹ Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири: традиционалистское сообщество под воздействием модернизационной политики (1918-1930-е годы)// Исторические записки. Вып. 15. М.: Наука, 2014. С. 300

Заключение

Сибирское крестьянство являлось носителем многовековых нравственно-этических традиций русского народа. Центральное место в системе его ценностей всегда занимала идея труда. Труд для крестьянина был универсальным мерилom справедливости, определяя место и роль человека в обществе. Сибирская специфика понимания труда заключалась в личной свободе и независимости от ненавистного помещика, которому не нужно было кланяться. Труд для сибирского крестьянина являлся не только источником благосостояния, сытости, но и свободы в смысле личной независимости и хозяйственной самостоятельности. Поэтому патерналистские настроения, характерные для крестьян коренной России, у сибиряка практически отсутствовали. Он привык надеяться только на свои силы, а не на доброго барина.

В тоже время, возделывание почвы и содержание хозяйства в рамках экстремальных климатических условий в одиночку было бы невозможно. Поэтому это была не свобода личности, а свобода внутри корпорации таких же тружеников. Таким образом, сибирский крестьянин не стал подобно американскому фермеру индивидуалистом, а сохранял в новых условиях общинный уклад.

Групповое сознание пронизывало все сферы жизни крестьянского сообщества. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только хозяйственными отношениями, но и крепкими нравственно-этическими узами, ориентированное на идущие исстари традиции и идеалы. Все попытки царской власти в годы столыпинской аграрной реформы превратить сибирского крестьянина в «цивилизованного» хуторянина провалились. Сибирское крестьянство в подавляющей массе отвергло этот путь, предпочтя более близкий общинной традиции путь кооперации. Потому что в понимании крестьянина смысл труда состоял не в конкуренции отдельных хозяйственных единиц за место на рынке, а в исполнении моральных заветов христианства, согласно которым «хлебный» труд рассматривался как общее (соборное)

служение Богу, искупление изначального Библейского греха. Сибирский крестьянин в силу того, что край слабее был втянут в общероссийский рынок, вплоть до начала XX в не признавал общественное разделение труда, присущее капитализму. Поэтому всякое отступление от библейского закона об универсальности «хлебного» (земледельческого) труда им воспринималось как греховное богоотступничество.

Мерой своего благосостояния крестьяне считали удовлетворение двух естественных потребностей: достаточного семейного жизненного обеспечения и желания общинного одобрения, общинной доброй славы за рабочую исправность и домовитость. Отсюда потребительский минимализм крестьянства, диаметрально расходившийся с присущим протестантской морали накопительством. «Хлеба с душу, платья – сношу, денег с нужу» – такова формула крестьянского потребления. Она совершенно чужда буржуазному меркантилизму.

Но по мере того как под напором капитализма патриархальный уклад сибирской деревни стал давать трещину, постепенно девальвировались и традиционные ценности. К началу событий 1917 г. сибирское крестьянство уже утратило былую социальную и культурную гомогенность и было резко расколото на старожильческую верхушку, которая стала противопоставлять себя рядовому крестьянству и в хозяйственно-экономическом, и в социокультурном плане, как новый класс, для которого «хлебный труд» уже не являлся обязательным моральным императивом. Их новая религия – прибыль, извлеченная из торговых спекуляций сельскохозяйственными продуктами. Для носителей этого «прагматического» сознания всякие морально-религиозные инвективы о грехе стяжательства и сострадания к несчастьям ближнего – это уже вредные сантименты, мешающие делу.

На противоположном конце социальной пирамиды формируется люмпенизированная масса, для которой традиционная трудовая мораль становится объектом циничного глумления. Единственным островком, где труд по-прежнему был равнозначен добродетели, оставалось трудовое

крестьянство, основу которого составляли середняки и беднота, мечтавшая вырваться из нужды. Для этой части крестьян труд являлся главным мотиватором хозяйственной и социальной деятельности.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события Гражданской войны на короткий период объединили крестьянство, и оно в подавляющей массе выступило как самостоятельная – третья сила. В массовом партизанском движении, захватившем Сибирь в годы Гражданской войны, крестьянство объединилось для самозащиты как от красных, так и от белых. В партизанских отрядах сражались как представители зажиточной сельской верхушки, так и беднота. Советская власть пыталась поставить партизанское крестьянское движение под политический контроль, но это далеко не всегда ей удавалось. Стихийный анархизм, который сибирскому крестьянству был присущ в более активной форме, чем крестьянству коренной России, мешал установлению здесь в 1918-1920 гг. продразверстки. Она стала вводиться уже под конец войны.

Отношения крестьянства и советской власти в 1920-1930-е гг. складывались весьма драматично. С одной стороны, провозглашение новой властью идеологии, в основу которой были положены как раз те социально-моральные ценности всеобщности труда («кто не работает – тот не ест»), социальной справедливости, основанной на эгалитаристских представлениях, носителем которых являлось крестьянство, находило глубокий отклик у подавляющей его части. Еще раз напомним, что к моменту установления советской власти, далеко не всё крестьянство придерживалось их. С другой, – форсированные темпы, и командно-административные методы претворения этих принципов, порождали у крестьян естественное сопротивление. Но, в конечном счете, именно трудовая сущность советской идеологии, стала почвой, на которой крестьянство как класс приняло советскую власть.

Большевистская власть при организации колхозов, всячески стимулировала трудовой энтузиазм, стремление крестьян к соревновательности. Поэтому, на наш взгляд, ошибочно утверждение,

встречающееся в либеральной публицистике, что советская власть якобы демотивировала крестьянина-труженика, на корню уничтожая культуру крестьянского труда. Вся идеология и политика власти была направлена как раз на создание условий для роста профессиональной и трудовой культуры крестьянства, но не стародедовской, а основанной на передовой технике и научной агрикультуре.

Да, она пыталась перекроить крестьянское сознание и присущее крестьянину чувство хозяина, замыкавшегося на своем частном интересе, расширить до понимания общенационального. И таким образом расширить горизонт его гражданского мировоззрения, привить чувство сопричастности к продвижению общественного прогресса, созидания нового. В чем-то это делалось грубо и неумело, но эти издержки были обусловлены общей политической и гражданской культурой старого общества, из которого вышло советское. А, главное, то, что было сделано в плане формирования нового хозяйственного уклада и нового типа трудовой культуры отвечало вызовам истории, необходимости перехода от традиционного уклада к индустриальному.

Планируется, что изучение материалов в рамках элективного курса, исследованных в данной выпускной работе, поспособствует совершенствованию индуктивного метода научного познания у учеников, что благоприятно скажется на успешном написании исторического сочинения в ЕГЭ по истории и при решении олимпиадных заданий, а также благодаря которому будет облегчена интеграция в учебный процесс при поступлении в высшее учебное заведение.

При проведении курса необходимо учитывать личностные качества учащихся, удерживать их интерес к заявленной теме, предоставляя пространство для формирования навыков научного познания и творчества путем применения современных технологий обучения, позволяя учащимся в рамках одной парты не просто решить ряд учебных задач, но и применить на себя различные профессии: историка, демографа, политика и даже актера. Для

более эффективного изучения материала стоит опираться на проблемные технологии обучения, в результате чего ученик почувствует себя субъектом своего же обучения; на информационно-коммуникационные технологии, которые помогут развить умение быстро ориентироваться в информационном пространстве; нельзя забывать и о игровых технологиях. Игра порождает радость и бодрость, воодушевляет учеников, обогащает впечатлениями, помогает учителю избежать назойливой назидательности, создает в подростковом коллективе атмосферу дружелюбия. Правильно выстроенный игровой процесс также способствует развитию индуктивных навыков. Выстроенная последовательность тем предполагает массу маневров для применения различных учебных технологий.

Следуя требованиям историко-культурного стандарта, учитель должен раскрыть не только содержательную часть материала, но и показать многогранность, уникальность и значимость быта сибирской крестьянской деревни, имевшей свои особенности в сравнении с Европейской частью страны.

По итогу элективного курса ученики должны прийти примерно к тем же выводам, что и учитель, умея аргументировать собственную точку зрения; ориентироваться в двойственном характере процессов, происходивших внутри сословия на рубеже веков; отделять главное от второстепенного; понимать ценность исторического и культурного наследия предков; уметь решать неординарные задачи и искать собственные пути решения, опираясь на метод размышлений.

Значимость рассмотренных в выпускной работе вопросов является несомненно важной, так как на основных уроках по изучению истории родного края за объемами материала упускаются многие детали повседневной жизни населения или игнорируются вовсе, исключая понимание учениками самобытности сибирской культуры в сравнении с центральной частью страны.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые документы:

1. Приказ Минобрнауки РФ от 17.12. 2010 г №1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Информационно-правовой портал Гарант.ру., 2010. С.7 URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 1.10.2017)
2. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования // Министерство образования и науки Российской Федерации. Реестр примерный основных общеобразовательных программ, 2016. 569 с.
3. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. // Министерство образования и науки, 2013. 80 с.

Литература:

4. Андюсев Б.Е. дис. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII - 90-х гг. XIX вв. канд. ист. наук. Красн. гос. пед. университет, Красноярск, 2002.
5. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.
6. Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 - 1927 гг.). Томск: Издательство Томского университета, 1969. 210 с.
7. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.
8. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А. Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX в.). Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с.
9. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1912. 461 с.
10. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. 797 с.
11. Всесоюзная перепись населения. Т. 6. М., 1926. С. 104-105

12. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / сост., С. В. Журавлев ; отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 326 с.
13. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 304 с.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск: издательство "Наука", 1967. 412 с.
15. Грандов М. О классовом расслоении в деревне и о положении деревенской бедноты. М.: Новая Москва, 1926. 148 с.
16. Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян XVIII – первая половина XIX вв. Новосибирск, 1975.
17. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
18. Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Т.М. Бондарев. Переписка 1885-1898. Мюнхен, 1996. 157 с.
19. Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
20. Ильиных В.А. Коллективизация Сибирской деревни. Январь-май 1930 г. Новосибирск, 2009.
21. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 243–382
22. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1983. 400 с.
23. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. 233 с.
24. Ленин В.И. К деревенской бедноте. Т. 7. М., 1903.
25. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

26. Наумов Н.И. В забытом краю : Рассказы из быта сибирских крестьян. Санкт-Петербург : Попов и Тыртов, 1882. 314 с.
27. Попова А. М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. С. 18—19
28. Порхунев Г.А. История Сибири : хрестоматия. Москва: Флинта, 2011. 296 с.
29. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М., 2013.
30. Рябцев Ю.С. История русской культуры: Художественная жизнь и быт. Москва : Владос, 1997. 336 с.
31. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Том 5 (У – Я) / под общ. ред. С.П. Васильевой; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. 192 с.
32. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 42.
33. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957.
34. Твардовский А.Т. Поэзия Михаила Исаковского. М., 1986. С. 9-13
35. Топоров А.М. Крестьяне о писателях. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. 300 с
36. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
37. Успенский Г.И. Из деревенского дневника. Москва : ГИХЛ, 1956. 69 с.
38. Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М., 1925. 211 с.
39. Фёдорова В.И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск, 2016. 344 с.
40. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987. 251 с.

Периодические издания:

41. Данилова Л.В. Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С. 22-40
42. Дианов А.Г. взаимоотношения власти и крестьянства в Сибири в

- середине 20-х гг. XX в. (по материалам рабоче-крестьянской инспекции)// Тамбов: Грамота, 2014. № 7: в 2-х ч. Ч. I. С. 50-54
43. Зверев В. А. «Народ изверился»: о секуляризации сознания и демографического поведения сибиряков в конце имперского периода / В. А. Зверев // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013. С. 43–47.
  44. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития// Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–75
  45. Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы// Российская история, 2012. № 1. С. 130–141
  46. Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII - начале XVIII в. К вопросу о конфессиональноэтических факторах старообрядческого предпринимательства. / В.В. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность. 1996. № 5. С. 36-44.
  47. Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда. / Т.Б. Коваль// Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том. II.- №1. - 1993. С. 20-62
  48. Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири: традиционалистское сообщество под воздействием модернизационной политики (1918-1930-е годы)// Исторические записки. Вып. 15. М.: Наука, 2014. С. 292-322
  49. Фирсов Б.М. Структур повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения)// Социальные реалии вчера и сегодня, 1992. № 4. С. 3-14
  50. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе// Общественные науки и современность, 2003. № 1. С. 116-121

51. Шебзухова Ф.Х. Проблема крестьянской общины во внутренней политике царского правительства во второй половине XIX в.// Вестник Адыгейского государственного университета, 2006. № 4.
52. Шуранова Е.Н. К вопросу о социальном расслоении сибирской деревни и его восприятии крестьянами и представителями власти в 1923 - 1925 гг. // Ползуновский вестник, 2006. № 1. С. 253-259
53. Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) М., РОССПЭН, 1996 г. С. 92-105

Интернет-ресурсы:

54. Бондарев Т.М. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца// Познавая с удовольствием, 2008. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_56.htm (дата обращения: 10.12.2017)
55. Горький М. О русском крестьянстве. Революционные откровения пролетарского классика// Русская жизнь, 2007. URL: <http://rulife.ru/mode/article/68/> (дата обращения: 01.11.2017)
56. Губернская власть в конце XIX в.// Энциклопедия Красноярского края, 2015. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/eniseyskaya-gubernia-vtoraya-polovina-19v/gubernskaya-vlast-v-kontse-19v/> (дата обращения: 20.04.2018)
57. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка// В. Даль, 2008. URL: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 20.04.2018)
58. Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса// Электронная библиотека истории России. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov/index.php (дата обращения: 10.03.2018)
59. Пословицы и поговорки про труд и работу// Пословицы и поговорки, 2005. URL: <http://pogovorki.net/cat14/> (дата обращения: 20.10.2018)
60. Соколов А.К. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.// Исторические материалы. URL:

- <http://istmat.info/node/28600> (дата обращения: 8.04.2018)
61. Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении// Электронная Библиотека «Научное Наследие России». URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10078500> (дата обращения: 12.11.2017)
  62. Топоров А.М. История коммуны "Майское утро"// Сибирское Рериховское Общество. URL: <http://sibro.ru/letters/detail/48541> (дата обращения: 10.04.2018)
  63. Чернова Ж. В. Советская семейная политика// Colta. URL: https://ru.boell.org/sites/default/files/uploads/2016/11/zhanna_chernova._sovetstskaya_semeynaya_politika.pdf (Дата обращения: 1.03.2018)
  64. Чудновский С. Л. Енисейская губерния: к трехсотлетию юбилею Сибири: (статистико-публицистические этюды)// Электронная Библиотека ELIB.TOMSK.RU, 2008. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-643/> (дата обращения: 25.02.2018)
  65. Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920 – 1921 гг.// Сибирская вольтота, 2006. URL: <http://volgota.com/lib/sovvlastkre.html> (Дата обращения: 1.05.2018)

**Примерная образовательная программа элективного курса
по истории «Проблемы трудовой этики сибирского крестьянства»**

Составила:

Студентка V курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Иванова Ю.В.

Класс: 10

Количество часов: 15

Красноярск, 2018

Пояснительная записка

Рабочая программа элективного курса «Проблемы трудовой этики сибирского крестьянства» основного общего образования разработана на основе примерных программ по истории, соответствующих ООО ФГОС и Историко-культурному стандарту.

История выступает одной из основополагающих дисциплин гуманитарного знания, являющегося неотъемлемой частью образования школьников. Каждый человек живет в обществе, поэтому он должен иметь фундаментальные знания о его истории, устройстве, закономерностях функционирования и развития. Данные знания позволяют успешно включиться в процесс социализации. Изучая историю, учащиеся узнают о процессе развития экономической, социальной, политической жизни общества в целом и российского общества, в частности. Углубленное изучение истории и устройства общества способствует развитию логического мышления, расширению кругозора, навыков системной работы с материалом, трудолюбию, аккуратности и собранности. На примере углубленного изучения истории учащиеся получают представления о методах познания, характерных для гуманитарных наук.

Велика роль углубленного изучения учебного предмета истории в воспитании общей культуры, научного мировоззрения, нравственности, воли и других черт личности. История как учебный предмет призвана вооружить учащихся основами гуманитарных знаний, необходимых для повседневной жизни, трудовой деятельности, продолжения образования, правильной ориентации в поведении в социальной среде.

Построение курса углубленного изучения истории основной школы с гуманистической и развивающей направленностью осуществлялось с учетом логики науки, реализации принципов дидактики и психологии усвоения знаний и развития личности обучаемых, современных концепций общего и гуманитарного образования.

Цель курса: систематизация, углубление и обобщение знаний и умений, учащихся по истории крестьянской деревни с древнейших времен до наших дней для более успешной сдачи ЕГЭ.

Задачи курса:

1) создать условия для формирования основ гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур;

2) создать условия для овладения базовыми историческими знаниями, а также представлениями о закономерностях развития человеческого общества с древности до наших дней в социальной, экономической, политической, научной и культурной сферах; приобретение опыта историко-культурного, цивилизационного подхода к оценке социальных явлений, современных глобальных процессов;

3) создать условия для формирования умений применения исторических знаний для осмысления сущности современных общественных явлений, жизни в современном поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном мире;

4) формирование важнейших культурно-исторических ориентиров для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности, миропонимания и познания современного общества на основе изучения исторического опыта России и человечества;

5) развитие умений искать, анализировать, сопоставлять и оценивать содержащуюся в различных источниках информацию о событиях и явлениях прошлого и настоящего, способностей определять и аргументировать своё отношение к ней;

6) воспитание уважения к историческому наследию народов России; восприятие традиций исторического диалога, сложившихся в поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном Российском государстве.

7) формирование у обучающихся личностных представлений об основах российской гражданской идентичности, патриотизма, гражданственности, социальной ответственности, правового самосознания, толерантности, приверженности ценностям, закреплённым в Конституции Российской Федерации;

8) понимание основных принципов жизни общества, основ современных научных теорий общественного развития;

9) приобретение теоретических знаний и опыта применения полученных знаний и умений для определения собственной активной позиции в общественной жизни, для решения типичных задач в области социальных отношений, адекватных возрасту обучающихся, межличностных отношений, включая отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий, возрастов и социальных групп;

10) формирование основ правосознания для соотнесения собственного поведения и поступков других людей с нравственными ценностями и нормами поведения, установленными законодательством Российской Федерации, убежденности в необходимости защищать правопорядок правовыми способами и средствами, умений реализовывать основные социальные роли в пределах своей дееспособности;

11) освоение приемов работы с социально значимой информацией, её осмысление; развитие способностей, обучающихся делать необходимые выводы и давать обоснованные оценки социальным событиям и процессам;

12) развитие социального кругозора и формирование познавательного интереса к изучению общественных дисциплин.

Ценность элективного курса

Одной из главных задач модернизации российского образования продолжает оставаться введение профильного обучения на старшей ступени

общеобразовательной школы. Система профильного обучения предполагает организацию образовательной деятельности по программе среднего общего образования, основанную на дифференциации содержания с учетом образовательных потребностей и интересов обучающихся, обеспечивающих углубленное изучение отдельных учебных предметов, предметных областей. Особый интерес представляют именно элективные курсы - обязательные для посещения курсы по выбору учащихся, которые входят в состав конкретного профиля обучения. Зачастую содержание программ элективных курсов повторяет материал школьных учебников и приводит к непониманию учащимися целей их изучения. Поэтому важно, чтобы составленный курс дополнял общую информацию, изученную на уроках.

Элективный курс «Проблемы трудовой этики сибирского крестьянства» составлен в соответствии с линейной системой обучения по истории. Изучив в 10 классе основы и проблемы трудовой этики сибирского крестьянства, учащийся сможет увидеть более целостную картину преобразований на рубеже веков, которые коснулись не только крестьянства, но и всей страны в целом. Зная основные элементы, составляющие трудовую мораль сословия, ученику будет проще понимать целенаправленность реформ власти, причины крестьянских бунтов и революций XX века.

Результаты освоения учебного курса:

Требования к результатам обучения предполагают реализацию деятельностного, компетентностного и личностно-ориентированного подходов в процессе усвоения программы, что в конечном итоге обеспечит овладение учащимися знаниями, различными видами деятельности и умениями, их реализующими. Овладение знаниями, умениями, различными видами деятельности значимо для социализации, мировоззренческого и духовного развития учащихся, позволяющих им ориентироваться в социуме и быть востребованными в жизни.

Результатами образования являются компетентности, заключающиеся в сочетании знаний и умений, различных видов деятельности,

приобретённых в процессе усвоения учебного содержания, а также способностей, личностных качеств учащихся.

Личностные результаты:

- осознание своей идентичности как гражданина страны, члена семьи, этнической и религиозной группы, локальной и региональной общности;
- освоение гуманистических традиций и ценностей современного общества, уважение прав и свобод человека;
- осмысление социально-нравственного опыта предшествующих поколений, способность к определению своей позиции и ответственному поведению в современном обществе;
- понимание культурного многообразия мира, уважение культуры своего и других народов, толерантность.

Метапредметные результаты:

- способность сознательно организовывать и регулировать свою деятельность — учебную, общественную др.;
- овладение умениями работать с учебной и внешкольной информацией (анализировать и обобщать факты, составлять простой и развёрнутый план, тезисы, конспект, формулировать и обосновывать выводы и т. д.), использовать современные источники информации, в том числе материалы на электронных носителях;
- способность решать творческие задачи, представлять результаты своей деятельности в различных формах (сообщение, эссе, презентация, реферат и др.);
- готовность к сотрудничеству с соучениками, коллективной работе, освоение основ межкультурного взаимодействия в школе и социальном окружении и др.;
- активное применение знаний и приобретённых умений, освоенных в школе и в повседневной жизни, продуктивное взаимодействие с другими людьми в профессиональной сфере и социуме.

Предметные результаты:

— овладение целостными представлениями об историческом пути человечества как необходимой основы для миропонимания и познания современного общества, истории собственной страны;

— способность применять понятийный аппарат исторического знания и приёмы исторического анализа для раскрытия сущности и значения событий и явлений прошлого и современности в курсе всеобщей истории;

— способность соотносить историческое время и историческое пространство, действия и поступки личностей во времени и пространстве;

— овладение умениями изучать и систематизировать информацию из различных исторических и современных источников, раскрывая её социальную принадлежность и познавательную ценность, читать историческую карту и ориентироваться в ней;

— расширение опыта оценочной деятельности на основе осмысления жизни и деяний личностей и народов в истории своей страны и человечества в целом;

— готовность применять исторические знания для выявления и сохранения исторических и культурных памятников своей страны и мира.

Планируемые результаты изучения учебного предмета:

В результате изучения истории на базовом уровне ученик должен

Знать:

- Основные факты, процессы и явления, позволяющие понимать целостность и системность региональной истории;
- Пространственные и временные рамки изучаемых исторических событий;
- Современные версии и трактовки важнейших проблем региональной истории;
- Историческую обусловленность современных общественных процессов;
- Особенности исторического пути России, её роль в мировом сообществе;

Уметь:

- Проводить поиск исторической информации в источниках разного типа;

- Критически анализировать источник исторической информации (характеризовать авторство источника, время, обстоятельства и цели его создания);
- Анализировать историческую информацию, представленную в разных знаковых системах (текст, карта, таблица, схема, аудиовизуальный ряд);
- Различать в исторической информации факты и мнения, исторические сюжеты и исторические объяснения;
- Устанавливать причинно-следственные связи между явлениями и на этой основе реконструировать образ исторического прошлого;
- Участвовать в дискуссиях по историческим проблемам, формулировать собственную позицию по обсуждаемым вопросам, используя для аргументации исторические сведения;
- Представлять результаты изучения исторического материала в формах конспекта, реферата, исторического сочинения;

Формы и приемы преподавания предмета:

- лекции с последующим опросом;
- практические занятия с использованием современных технологий обучения;
- дебаты;
- беседы;
- проектирование;
- работа индивидуально, в парах и группах;
- решение задания №25 ЕГЭ по истории.

Система оценивания и формы контроля:

На протяжении всего курса обучения учащиеся выполняют задания различной направленности: защита проекта, написание эссе и исторических сочинений, решение кейсов, составление и решение тестовых заданий.

Содержание курса

15 часов

Введение (1 ч.). Необходимость изучения крестьянской деревни. Положение крестьян в пореформенное время. Основные проблемы развития сибирской деревни.

Крестьянское сибирское сословие (1 ч.). Динамика численности населения. Особенности психологического портрета крестьянина. Основные занятия деревенского населения. Характерные черты ведения крестьянского хозяйства в Сибири. Системы возделывания земли. Земледельческий цикл. Усиление экономического расслоения в деревне.

Быт крестьянского сословия (1 ч.). Мужская и женская одежда. Обустройство избы или землянки. Красный угол. Крестьянский двор. *Экскурсия в дом-усадьбу сибирского художника В.И. Сурикова.*

Моральные представления крестьян о труде, богатстве, собственности (2 ч.). Семья как основная трудовая ячейка. Гендерное распределение трудовых обязанностей. Детский вклад в общий труд семьи. Труд как основное мерило нравственности у крестьян. Отношение крестьян к бездельникам и городскому населению. Кого можно считать кулаком. Крестьянская беднота. Деньги как средство удовлетворения непосредственной потребности. Эгалитаристские воззрения крестьяне о земле. Народный фольклор о труде.

Семейные традиции (2 ч.). Состав и типы семей в сибирской деревне. Роль семьи в контексте трудовой этики сословия. Сущность воспитательных функций семьи. Брачность. Конфликт отцов и детей. Кризис семьи в условиях развития капиталистических отношений. Семейная политика советов. Изменение характера брачно-семейных отношений в советский период.

Крестьянская община (1 ч.). Роль общины в жизни крестьянского сословия. Функции крестьянской общины. Общинные обычаи. Столыпинская аграрная реформа. Кооперативное движение. Наступление советской власти на общину. Сохранение общинных начал в подсознании крестьянства. Супруга, помочи, социалистические субботники.

Между верой и безверием (2 ч.). Роль и место религии в жизни крестьян. Кризис традиционного религиозного мировоззрения крестьянства. Антирелигиозная политика советов. Поддержка и противодействие проводимой политике. Старообрядчество и советская власть. *Храмовая экскурсия в г. Красноярске.*

Крестьянское самоуправление (3 ч.). Особенности и их факторы деревенского самоуправления до 1917 г. Аграрная политика Временного правительства в Сибири. Создание крестьянских советов. Идеальная власть, по мнению крестьян. Неприятие коммунистов в советах. Явление выдвигенчества. Влияние экономического расслоения деревни на политическую ситуацию в деревне. Контрреволюционные силы в деревне: бандитизм, сибирские кондратьевцы.

Дискуссионные вопросы деревни (1 ч.). Пьянство в сибирской деревне. Суеверия и ритуалы. Языческие праздники. Крестьянская грамотность. Устное творчество. Подведение итогов курса.

Заключение (1ч.). Написание пробного исторического сочинения из задания №25 ЕГЭ по истории на тему: «Эволюция трудовой этики сибирского крестьянства на рубеже XIX – XX вв.».

Учебная литература для учителя и ученика

1. Бондарев Т.М. Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца. Познавая с удовольствием, 2008. URL: http://dslov.ru/txt/344/t344_56.htm

2. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А. Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX в.). Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с.

3. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / сост., С. В. Журавлев ; отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 326 с.

4. Дементьев А.П. Некоторые аспекты образования советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917–1918 гг.//

Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2013. № 4. С. 27–33

5. Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.

6. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития// Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–75

7. История России. 9 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, А.А. Левандовский, А.Я. Токарева] ; под ред. А.В. Торкунова. - М. : Просвещение, 2016.

8. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.] ; под ред. А.В. Торкунова. - М. : Просвещение, 2016.

9. Ленин В.И. К деревенской бедноте. Т. 7. М., 1903.

10. Порхунов Г.А. История Сибири : хрестоматия. Москва: Флинта, 2011. 296 с.

11. Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы Сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001. 233 с.

12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

13. Наумов Н.И. В забытом краю : Рассказы из быта сибирских крестьян. Санкт-Петербург : Попов и Тыртов, 1882. 314 с.

14. Рябцев Ю.С. История русской культуры: Художественная жизнь и быт. Москва : Владос, 1997. 336 с.

15. Топоров А.М. Крестьяне о писателях. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. 300 с

16. Фирсов Б.М. Структур повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения)// Социальные реалии вчера и сегодня, 1992. № 4. С. 3-14

17. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872-1887 гг.). Москва : Наука, 1999. 716 с.

Дополнительная литература для ученика

1. Всероссийские олимпиады школьников по истории и обществознанию: материалы и комментарии /Под ред. С.И. Козленко и М.Ю. Брандта. М.: Школа-пресс, 2003.

2. Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Т.М. Бондарев. Переписка 1885-1898. Мюнхен, 1996. 157 с.

3. Кацва Л.А. История Отечества: справочник для старшеклассников и поступающих в вузы. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2006.

4. Козленко С.И., Козленко И.В. Всероссийская олимпиада школьников по истории в 2006 г.: Методическое пособие. М.: АПКИППРО, 2006.

5. Плоткин Г.М. Материалы и познавательные задания по отечественной истории. М.: Просвещение, 1996.

6. Успенский Г.И. Из деревенского дневника. Москва : ГИХЛ, 1956. 69 с.

7. Ховратович Б.М. Русский народный земледельческий календарь. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1984. 224 с.

Литература для учителя

1. Данилов А.А., Косулина Л.Г. Программы для общеобразовательных учреждений. 6 – 11 классы. М.: Просвещение, 2009.

2. Коваль Т.В. Конспекты уроков по истории России XX век: 9 кл.: Методическое пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002

3. Колганова Е.В., Сумакова Н.В. Поурочные разработки по истории России XIX в. 8 кл. / Под науч. ред. Б.Н. Серова - М.: Вако, 2004.

Интернет-ресурсы

- <http://www.shm.ru> – официальный сайт Государственного исторического музея.

- <http://www.shpl.ru/> – официальный сайт Российской государственной исторической библиотеки.
- <http://artchive.ru/> – сайт-хранилище живописи художников разных эпох.
- <http://www.rosolymp.ru> – федеральный портал российских олимпиад школьников.
- <http://socio.rin.ru/> - на сайте представлен материал по истории социологии, социологические опросы и их результаты, рефераты по социологии, литература.
- <http://historydoc.edu.ru> - Коллекция исторических документов. Широкий охват источников от VIII века до н.э. до XX века.

Материально-техническая база:

- Компьютер.
- Интерактивная доска.
- Проектор.
- Колонки.
- Презентации к занятиям.